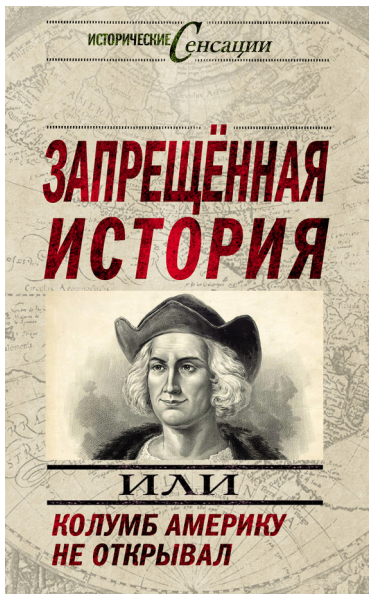

**Николай Николаевич Непомнящий
Андрей Вячеславович Жуков
Запрещенная история, или
Колумб Америку не открывал
Серия «Исторические сенсации»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17663049

Запрещенная история, или Колумб Америку не открывал: Алгоритм; М.; 2013

ISBN 978-5-4438-0475-0

Аннотация

В книге-сенсации известных авторов Андрея Жукова и Николая Непомнящего собраны новые для российского читателя археологические и исторические данные, которые свидетельствуют о том, что задолго до эпохи Великих географических открытий между Старым и Новым Светом существовали самые тесные контакты.

Европейские, азиатские и африканские мореплаватели – от египтян и карфагенян до ранних христиан и викингов – открыли Американский континент на 1,5–2 тысячи лет раньше Колумба и создавали на его берегах свои колонии.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Жуков, Николай Непомнящий

Запрещенная история, или

Колумб Америку не открывал

© Жуков А., 2013

© Непомнящий

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Предисловие

520 лет назад впередсмотрящий Родригес де Триан первым увидел на горизонте неведомый берег. То был крошечный Гуанахани из группы Багамских островов неподалеку от сегодняшней Флориды. С тех пор – вот уже пять с лишним столетий – идут споры на тему: «Кто же был первым?».

Проникая все глубже в дебри Центральной и Южной Америки, последователи генуэзского морехода восхищались совершенными пирамидами, многочисленными городами, величественными каменными дворцами и не могли поверить, что все это создали сами «слуги дьявола», как окрестили жителей Нового Света первые конкистадоры. Корни всего этого нужно было непременно искать в Старом Свете. Те, первые, исследователи не могли допустить того, что сходные цивилизации возникали независимо в разных частях света – на территории сегодняшних Мексики, Гватемалы, Ближнего Востока, Египта... Ученые придут к этой мысли позже, через века, а пока все, абсолютно все похожее объяснялось «привнесением». Сама по себе эта теория, получившая позднее название «диффузионизм», не лишена смысла, и мы поймем это, знакомясь с некоторыми конкретными колумбами, но не будем возводить ее в абсолют.

Известный испанский хронист Бартоломео де Лас Касас в середине XVI в. первым выдвинул версию о том, что в Новый Свет переселились «12 колен Израилевых», после того как ассирийцы разгромили Израилево царство. У Лас Касаса были для этого основания: элементы раннего христианства находили в религии майя и у других этносов Центральной Америки, и от этого трудно было отмахнуться. Как тут не вспомнить и знаменитый Параибский камень из Бразилии, повествующий о плавании выходцев из Восточного Средиземноморья (о нем будет отдельный рассказ)? Многие наши исследователи в ироническом стиле отмечают эти версии как «маловероятные». Но какие веские контраргументы они могут выставить против самой возможности посещения Нового Света жителями Средиземноморья в древности? Только лишь то, что культуртрегерство издавна считалось у наших ученых-этнографов страшным грехом, который позволительно было хулить со всех трибун и в каждой второй книге по этнографии.

Можно долго спорить, заставляя чашу весов колебаться в пользу той или иной версии, – здесь все осложняется тем, что в распоряжении специалистов пока что не так много данных, которые позволили бы поставить точку в спорах. Археология подбрасывает аргументы то одной, то другой стороне. Примечательно то, что путешественники, такие как Т. Хейердал или Т. Северин, моделирующие древние плавания, становятся сторонниками именно диффузии культур, тогда как кабинетные ученые тяготеют к «изоляционизму» (т. е. независимому культурному развитию народов Старого и Нового Света). Это симптоматично и пока зательно.

Действительно, в основе такого противостояния лежит, прежде всего, представление о возможности или невозможности трансатлантических плаваний. При этом практик Хейердал своими плаваниями на «Кон-Тики», «Ра», «Ра II» и «Тигрис» наглядно показал технические возможности мореходства разных древних народов. Однако позиции скептиков «изоляционистов» это мало поколебало. Но категоричное неприятие в противостоянии двух научных направлений было ослаблено. Появились исследователи, которые, опираясь на археологические и исторические источники, стали на позицию возможности случайных контактов через океаны. Суть же сводилась по-прежнему к принципу «изоляционизма» и отсутствию культурного влияния на американские народы в ходе таких спорадических контактов.

Но возможна и еще одна, промежуточная точка зрения, которой и придерживаются авторы этой книги. Она заключается в следующем. На протяжении нескольких тысяч лет

до плавания Колумба представители разных народов Старого Света (речь прежде всего о правящей элите) знали о существовании американских материков. Более того, в Новый Свет периодически снаряжались экспедиции, и в разных частях обеих Америк могли появляться небольшие колонии заморских гостей. Естественно, колонисты оказывали определенное культурное и религиозное влияние на аборигенов. Но оно оказывалось точечным, и нет смысла отрицать в целом независимое развитие американских цивилизаций. К тому же, учитывая чаще всего «буйную» историю европейских и восточных народов за последние тысячелетия, можно смело предполагать, что заокеанские колонии достаточно быстро теряли связи с монополиями. А оставшиеся в изоляции немногочисленные колонисты быстро ассимилировались местным населением, и внешнее воздействие без подпитки из-за океана сходило на нет. Собственно, обоснованию этой гипотезы и посвящена данная работа.

Пролог

Используя опыт предшественников

500 с лишним лет минуло со времени первого знаменитого плавания Христофора Колумба в Новый Свет. С тех пор не утихает давний, ставший уже традиционным спор на тему «Кто же был первым?». Скорее всего, никто. Вернее, наоборот, все были первыми, ибо открывали для себя разные части Нового Света, по-разному относились к своим открытиям. А потом наступил 1492 год, и появился тот, кто собрал воедино, творчески переработал и использовал опыт предшественников.

Кто же помог ему ступить на землю Америки? Прежде чем окунуться в седую древность и вернуться на тысячелетия назад, поговорим о его недавних предшественниках – тех, кто проложил Колумбу тропку к Карибскому морю и предоставил информацию об «Индиях».

Северная прелюдия

В биографии Колумба, как это ни странно, имеется множество белых пятен. Особенно страдает от отсутствия достоверных фактов первая часть жизни будущего великого генуэзца. К примеру, имеются отдельные свидетельства, что в 1477 году Колумб совершил путешествие на север. По некоторым сведениям, он был в Исландии. По другим – не был. В Бристоле он побывал, это доказано, и к этому мы еще вернемся. Но вот плывал ли Колумб от Бристоля дальше на север? Известный канадский полярный исследователь Вильямур Стефанссон утверждает, что зима 1476–1477 года в полярных областях была мягкой. В такие зимы парусникам без труда удастся проникать далеко на север, до широты острова Ян-Майен.

Решительно никаких доводов у противников северной экспедиции Колумба нет. Спорно и загадочно другое – сумел ли он во время своего плавания к берегам Исландии получить важные сведения о выдающихся открытиях скандинавов в Западной Атлантике – плаваниях Лейфа Эйриксона, открытии Гренландии и поселениях там норманнов, о плаваниях принца Мадока (о них еще будет рассказ)? Кто еще мог поделиться с путешественником своим опытом плаваний в Новый Свет?

Но предположим даже, что Колумб не был в Исландии. «Существование земель в Арктике и Субарктике, найденных норманнами, отнюдь не было тайной для современников Колумба», – справедливо отмечает в послесловии к книге Дж. Энтерлайна «Америка викингов» Тур Хейердал. Об открытии Винланда, лежащего к западу от Гренландии, говорилось уже в «Географии Северных земель» Адама Бременского в 1070 году, за 400 с лишним лет до плаваний Колумба. И даже если он не был в Исландии, то мог получить интересные сведения у побывавших там мореходов.

Норманны никогда не делали секрета из своих исследований в Винланде, всю важную информацию тотчас сообщали Римской церкви. Колумб был ревностным католиком, разделяя как миссионерские амбиции церкви, так и ее прогрессивные географические воззрения. Этим и можно объяснить, почему он с таким упорством убеждал генуэзцев и королевские дворцы атлантических стран прислушаться к его смелому утверждению: за Атлантикой есть земля, и путь до нее составляет четверть того расстояния, которое предполагают ученые мужи!

Дыхание Нового Света

В 1473 или 1474 году, когда Колумб начинал свою морскую карьеру, времена были смутные: на востоке свирепствовали турки, у итальянских берегов гуляли пираты. Португалия по-прежнему оставалась великой морской державой. До конца XIV века о ней в Европе знали мало – страна была обращена в сторону Атлантики, в то время плохо знакомой. К исходу века она перехватила эстафету морских экспедиций средиземноморских стран.

На рынки Лиссабона и Сагреша потекли караваны невольников. В 1419 году португальцы закрепились на Мадейре, чуть больше десятилетия спустя – на Азорах. Острова эти, еще необитаемые, но богатые лесом и пресной водой, лежали на ближних подступах пока нехоженых путей, что вели в Страну заходящего солнца.

На острове Мадейра Колумб бывал не раз. До 1872 года в Фуншале на улице Эшмералду стоял его дом, где, по местным преданиям, он всегда останавливался. На Мадейре Колумб торговал книгами и картами. Португальские годы стали для Колумба временем учебы. Правда, сам он не раз признавался, что не искушен в науках. Но все, что необходимо было для осуществления его планов, он изучал с рвением необычайным.

В 1479 году Колумб женился на доне Филиппе Перестрелло, дочери губернатора острова Порто-Санту, что находится неподалеку от Мадейры.

Именно тогда он состоял в переписке с известным ученым того времени Паоло Тосканелли, и он как-то раз написал Колумбу: «С благодарностью получил ваше послание. Отмечая ваше постоянное стремление расширить пределы обитаемой цивилизованным человеком как на востоке, так и на западе вселенной, в том числе достичь Китая, двигаясь в западном направлении, хочу заметить, что это не худший вариант. Впрочем, этот маршрут хорошо виден из карты, которую я вам отправляю».

К сожалению, карта, о которой упоминает Тосканелли, не сохранилась, однако ее можно попытаться восстановить, воспользовавшись другим, совершенно загадочным письмом Тосканелли, на этот раз португальскому королю (там карта опять была приложена к письму): «Сир! От хорошо известного вам острова Антилия до другого большого острова Сипангу плыть на запад всего 10 пределов... Так что идти в неизведанных водах придется всего ничего...». Выходит, Тосканелли сообщал правителю о поселении португальцев в Новом Свете задолго до Колумба? В самом деле, португальские историки утверждают, что колония выходцев из Лиссабона и Сагреша существовала где-то на Антильских островах еще с 30-х годов XV столетия и была там в 1492 году, когда Колумб собирался в плавание. До сих пор это утверждение официальная наука не принимала всерьез. Также отдельные историки заявляют, что Колумб знал о существовании такой огромной земли, как Бразилия, и вообще, после того как он увидел старые португальские карты, это существенно обогатило его знания о мире. И еще: сам Колумб и его брат Бартоломе присутствовали на приеме, когда Б. Диаш докладывал королю, что обогнул мыс Доброй Надежды именно на указанной на карте широте. То был удар по самолюбию Колумба. Теперь он просто был обязан открыть Землю пряностей, идя на запад через океан, а не вдоль берегов Африки!

Положение Колумба при португальском дворе становилось все более неустойчивым. Никто больше не собирался делиться с генуэзцем своими планами и картами. К тому же скончался папа Иннокентий VIII, с которым у Колумба были доверительные отношения, и он вынужден был покинуть Португалию, где оставался его брат Бартоломе. Взор морехода обратился к католическим королям Изабелле и Фердинанду... ему было что предложить им!

Сын Колумба – Фернандо – и хронист Лас Касас со слов мореплавателя рассказывают о том, что слышал Колумб от моряков. Некто Мартин Висенти поведал генуэзцу о том, что в 450 лигах (2700 км) от мыса Сан-Висенте он подобрал в море кусок дерева, искусно обрабо-

таный каким-то явно не железным предметом. Другие моряки встречали на широте Азорских островов лодки с шалашом. Видели и огромные стволы сосен, приносимые западным ветром. Попадались трупы широколицых людей, явно не христианского обличья. Так мало-помалу давал о себе знать огромный материк на западе...

Рассказ о «неизвестном кормчем» (генуэзец встретился с ним на острове Мадейра в 80-е годы XV века), сообщившем Колумбу сведения о землях за океаном, мы обнаружили у Лас Касаса, а также у Гонсало Фернандеса Овьедо-и-Вальдеса в труде «Всеобщая и естественная история Индии». Некоторые утверждают, что этот капитан, кормчий, был андалусийцем; другие называют его португальцем; третьи – баском; иные говорят, что Колон находился тогда на острове Мадейра, а некоторые предпочитают говорить, что на островах Зеленого Мыса и что именно туда была отнесена его каравелла...

К Земле трески

В Лиссабоне, городе, где Колумб провел годы учебы, на современной авениде Свободы в фешенебельном отеле стена просторного холла занята мозаичным панно: бородатый морской волк стоит на носу каравеллы и всматривается в туманную даль. Внизу надпись – «Жуан Кортереал. Открыватель Америки в 1472 году». За некие таинственные плавания ему дали титул губернатора города Ангра на азорском острове Терсейра. Давайте попробуем разобраться в загадке Кортереала.

Документальное подтверждение его путешествия впервые четко изложено в небольшой книге датского историка С. Ларсена «Открытие Америки за 20 лет до Колумба». Почему датского? Какое отношение имела Дания к португальским открытиям в Атлантике? Как выясняется, самое непосредственное. Оказывается (об этом свидетельствуют рукописи королевского архива), король Португалии Афонс V дал санкцию на экспедицию, осуществлявшуюся двумя норвежскими капитанами – Дидриком Пайюшгом и Гансом Пофорстом. В качестве наблюдателя при экспедиции находился Жуан Ваш Кортереал, представитель короля Португалии. Скорее всего, именно он и был руководителем предприятия.

Первые попытки заполучить на португальскую службу скандинавских мореходов относятся еще к 1448 году – об этом пишет известный хронист Гомеш Эаниш ди Азура. Он подробно рассказывает о том, как некий Валларт, датчанин, прибыл ко двору инфанта Энрике (будущего Генриха Мореплавателя) в Сагреше и был назначен главой экспедиции на острова Зеленого Мыса. Она закончилась печально. Известно, что Валларт и еще несколько человек команды были захвачены в плен местными жителями, и с тех пор их больше никогда не видели. Таких эпизодов Ларсен приводит множество. Так что, выходит, отношения с Данией были длительные и прочные. Смерть Генриха Мореплавателя не прервала этих контактов, а только подтолкнула к продолжению задуманного инфантом – поиску северо-западного пути через Атлантику.

Здесь мы подходим к самому загадочному месту в нашей истории. Король Афонсу решил финансировать эту экспедицию в надежде на то, что будет найден северный морской путь в Азию и Индию. Но не было известно никаких доказательств возможности этого путешествия. И вот нашли письмо некоего Карстена Крипа, бургомистра Киля, королю Дании Кристиану III. В письме, написанном 3 марта 1551 года, говорится, что его автор, Карстен Крип, видел карту Исландии с изображением неизвестных предметов, обнаруженных в этой стране. Далее он утверждает: карта подтвердила, что дед его королевского величества, Кристиан I, послал экспедицию по просьбе короля Португалии к новым островам и материку на северо-западе.

Дедушка получателя письма правил Данией с 1448 по 1481 год. Не о Кортереале ли идет речь в том письме? История экспедиции Кортереала в Америку полна белых пятен по

вполне понятным причинам: португальцы неохотно расставались со своими морскими секретами.

Итак, датский король послал двоих – Пайнинга и Пофорста. Пайнинг был пиратом, плавал под своим и британским флагами, занимал в Дании несколько значительных постов. В конечном счете он стал губернатором Исландии, возможно получив это место в качестве награды за участие в экспедиции Кортереала. Пофорст, близкий друг Пайнинга, тоже был пиратом.

Отправной пункт экспедиции неизвестен, хотя резонно предположить, что ее участники вышли из Норвегии или Дании и проследовали к Исландии. Оттуда они пошли в Гренландию, а потом в Новый Свет. Судовой журнал не велся, и вычислить курс экспедиции удалось при помощи более поздних разбросанных в различных источниках свидетельств. Но тем не менее эти показания, хотя их и немного, убедительно доказывают факт присутствия Кортереала в Америке в 1472 году. Взять одно из них – знаменитый глобус Мартина Бехайма 1492 года. На нем живописно представлены не только Скандинавские страны, но и земли к западу от Исландии, которые имеют удивительное сходство с Новой Шотландией, Ньюфаундлендом и заливом Святого Лаврентия. До Бехайма такого глобуса никто не изготавливал. Но откуда он тогда получил эти сведения?

Удалось выяснить, что Мартин Бехайм, знаменитый немецкий астроном и картограф, женился в 1486 году на Жоанне ди Мандо. Красивая девушка была сестрой зятя Кортереала – ди Утра, и молодожены поселились на одном из Азорских островов – Тершейре, которым управлял престарелый Кортереал. Бехайм жил там четыре года. Глобус сделан в 1492 г. Значит, в течение нескольких лет Бехайм жил по соседству с Кортереалом и, без сомнения, проводил много времени в беседах с губернатором, выслушивая и запоминая, а может, и записывая все самое интересное о далеких краях, которые тот посетил в 1472 году.

Сравнивая глобус Бехайма с более поздней картой того же района, выполненной Джоном Кэботом, ученые убедились: первый – лучше! А что если Колумб видел этот глобус незадолго до того, как отправился в Америку?

Судьба открытия Кортереала печальна. Экспедиция оказалась под такой завесой секретности, что об открытии никто ничего не узнал. Будь известия о вояже обнародованы, не пришлось бы человечеству праздновать 500-летие открытия Америки в 1972 году?

Атлантическое интермеццо

В начале прошлого века вышла двухтомная книга американского колумбоведа Г. Виньо «Критическая история Христофора Колумба». В ней впервые высказывается предположение, что Колумб шел открывать не берега Восточной Азии, а острова Атлантики, о которых до него уже знали другие мореплаватели. Идея же о плавании в страну великого хана зародилась, как представляет Виньо, уже после возвращения из первого путешествия. Через двадцать лет эту теорию поддержал аргентинский историк Р. Карбия, а позже в ее пользу высказывались и другие ученые, в том числе и российские. Контрдоводы есть, но их не настолько много, чтобы отместить эту гипотезу. Каковы они? Верительная грамота великому хану, выданная за 11 месяцев до возвращения Колумба из первого плавания, – раз. Толмач, знавший восточные языки, прикомандированный к команде, – два. Пометки морехода на полях книг, им читанных, – три. Но не было ли это запланированной серией хорошо продуманных фальсификаций? Ради чего? Да ради того хотя бы, чтобы скрыть подлинные цели экспедиции – достичь богатейшей земли и ни с кем не делиться! Средневековые монархии были не так глупы, как это зачастую преподносится. На подготовку плавания они потратили десятки килограммов золота. Но посчитаем: по самым скромным подсчетам за триста лет владычества в Латинской Америке Испания вывезла оттуда столько ценностей, что их сто-

имость соответствовала трем миллионам килограммов золота. Было ради чего постараться, обеспечивая власть над Новым Светом!

Как мы говорили, уже Аристотель в IV веке до нашей эры сообщает об островах в океане по ту сторону Геркулесовых столбов. Вполне вероятно, сообщения древних и античных авторов покоились на сведениях об открытии Мадейры, Канарских и, может быть, Азорских островов. Как видно из книги ирландского монаха Дикуила (VIII–IX века), в монастырях читали сочинения древних авторов, отыскивая указания о далеких Счастливых островах. Остров Брандана путешествует по средневековым картам: на венецианском портулане (компасной карте) 1367 года он – на месте Мадейры, а на глобусе Бежайма – западнее островов Зеленого Мыса.

Еще одной загадочной точке на карте – Земле Бразил – повезло больше. Она не исчезла с карт, как остров святого Брандана, а блуждала до начала XVI века, пока не превратилась в восточную часть южноамериканского материка. Кстати, когда Педру Кабрал открыл Бразилию в 1500 году, он назвал ее Санта-Круш, и это название было признано повсеместно европейскими картографами в XVI веке. Но только не французами! Они всегда называли ее именем Бразиль. Это слово издавна применялось в описаниях ценных пород красного дерева. И именно так называли открытые задолго до португальцев земли в океане дьепские купцы.

Еще один поразительный момент. В десятилетия, предшествовавшие плаваниям Колумба, географические воззрения претерпели серьезные изменения, произошел как бы переход от правильных взглядов к неправильным. На картах наблюдаются удивительные превращения. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии непомерно разрастаются, и их перемещают все дальше к востоку, то есть к берегам Западной Европы. Появляются несуществующие реки, горы, озера, фантастические страны. Картографы основывались на практических данных – такой вывод напрашивается сам собой, он покоится на истории картографии – науки, неразрывно связанной с практикой и базирующейся на накопленном опыте. Причины ломки старых воззрений, считают некоторые исследователи, в целом ряде каких-то сообщений путешественников. Причем не одного, а многих. Картографов информировали о землях на западе, и они, приписывая их Азии, рисовали на своих портуланах.

«Индии» становятся ближе

Остров Бразил искали и купцы из Бристоля, центра рыболовства в Северной Атлантике. Торгуя в основном с Ирландией, купцы поначалу не ходили в дальние моря. Но в 80-е годы XV столетия они стали проявлять повышенный интерес к фантастическим островам в океане. Наверное, неслучайно. Явно купцы получили интересные сведения от исландцев. То, что европейские картографы давно узнали о Гренландии, уже доказано. На карте 1467 года Клавдиуса Клавуса уже имеется множество местных названий населенных пунктов гигантского острова.

В свое время испанский историк Луис Андре Виньерас опубликовал письмо, найденное в архиве Симанкаса, проливающее некоторый свет на историю открытия Америки. На испанском языке, без даты, оно было написано Джоном Дзем, англичанином, некоему официальному лицу – Великому Адмиралу, который оказался не кем иным, как гранд-адмиралом Кастилии Христофором Колумбом. Письмо свидетельствовало о хороших географических познаниях отправителя и доказывало, что между двумя людьми имела место переписка, обмен книгами и информацией о плаваниях английских моряков.

Данное письмо посвящено удачному плаванию из Бристоля неизвестного путешественника через океан в страну, которую Дэй называет Страной семи городов. По многим характерным данным, и в том числе большой пенсии, назначенной королем этому человеку по возвращении, можно определить и самого путешественника – Джона Кэбота, который в

1497 году обследовал значительную часть Ньюфаундленда и побережья материка. В письме, однако, говорится еще, что ранее путешественник совершал менее удачные вояжи из Бристоля. По данным Виньераса, это было в 1480, 1481 и 1491 годах. А может, и раньше?

Фобс Тейлор, профессор Института механики, специалист в области истории промышленности и торговли, обнаружил новые доказательства плавания бристольских мореходов в сторону Нового Света. Он пришел к этому после изучения подробных коммерческих отчетов, включающих таможенные списки грузов, которые каждое судно ввозило в Бристоль и вывозило начиная с 1479 года.

Согласно декларациям, капитаны судов вели торговлю с Ирландией. Однако зачастую странный состав грузов и чрезмерно длительные плавания наводят на мысль о какой-то тайне. Ф. Тейлор проанализировал характер грузов и рейсы судов. Вот типичный маршрут одного из кораблей («Кристофера»), который принадлежал Моррису Таргату. Он отбыл из Бристоля якобы в Ирландию 17 ноября 1479 года и вернулся 11 марта 1480 года, то есть через 115 дней. Отчего же плавание «Кристофера» было таким продолжительным? Причиной его задержки не могли быть сильные ветры в Бристольском заливе, так как иные суда трижды проделывали за тот же срок рейсы к берегам Ирландии и обратно. Маловероятно, чтобы корабли ходили во Францию или Испанию, ибо такой груз – а это были пять тонн забракованного вина – везти туда все равно, что отправлять в Ньюкасл шлак вместо угля. Одно из двух: либо Таргат бессовестным образом транжирил время в поездках в Ирландию, либо он водил суда далеко на запад и осуществлял там свои необычные коммерческие сделки...

15 июня 1480 года судно Джона Дэя – младшего покинуло Бристоль и направилось в сторону острова Бразил, к западу от Ирландии, но вскоре вернулось, пострадав от непогоды. 6 июля 1481 года два судна – «Джордж» и «Троица» из Бристоля, принадлежавшие Томасу Крофту, покинули порт, чтобы найти в океане остров под названием Бразил. И таких вояжей было много. Об их результатах мы пока ничего не знаем.

Испанец Педро де Айала докладывал из Лондона в 1498 году королевской чете Фердинанду и Изабелле: «Эти из Бристоля уже семь лет посылают каждый год флотилии из двух, трех, четырех каравелл на поиски острова Бразил и Семи городов...».

Кому это выгодно?

Кому было выгодно плавание генуэзского морехода в «Индии»? Кто, зная или догадываясь о грядущих несметных сокровищах, поддержал искателя новых дорог? Колумбу помогали архиепископ Толедский, кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, хранитель казны короля Луис де Сантанхель. Они были связаны с купцами и банкирами Кастилии и Арагона. И на вопрос: «Кому это нужно?» – могли однозначно ответить: «Нам!»

Западный путь на Восток... Не о нем ли грезили поколения генуэзских купцов, когда турки перекрыли дороги к Черному морю и захватили Константинополь? Именно эти люди одолжили кастильской короне деньги для снаряжения первой и второй трансатлантических экспедиций. Именно они впоследствии стали управлять торговыми домами в колониях Нового Света – «Индиях».

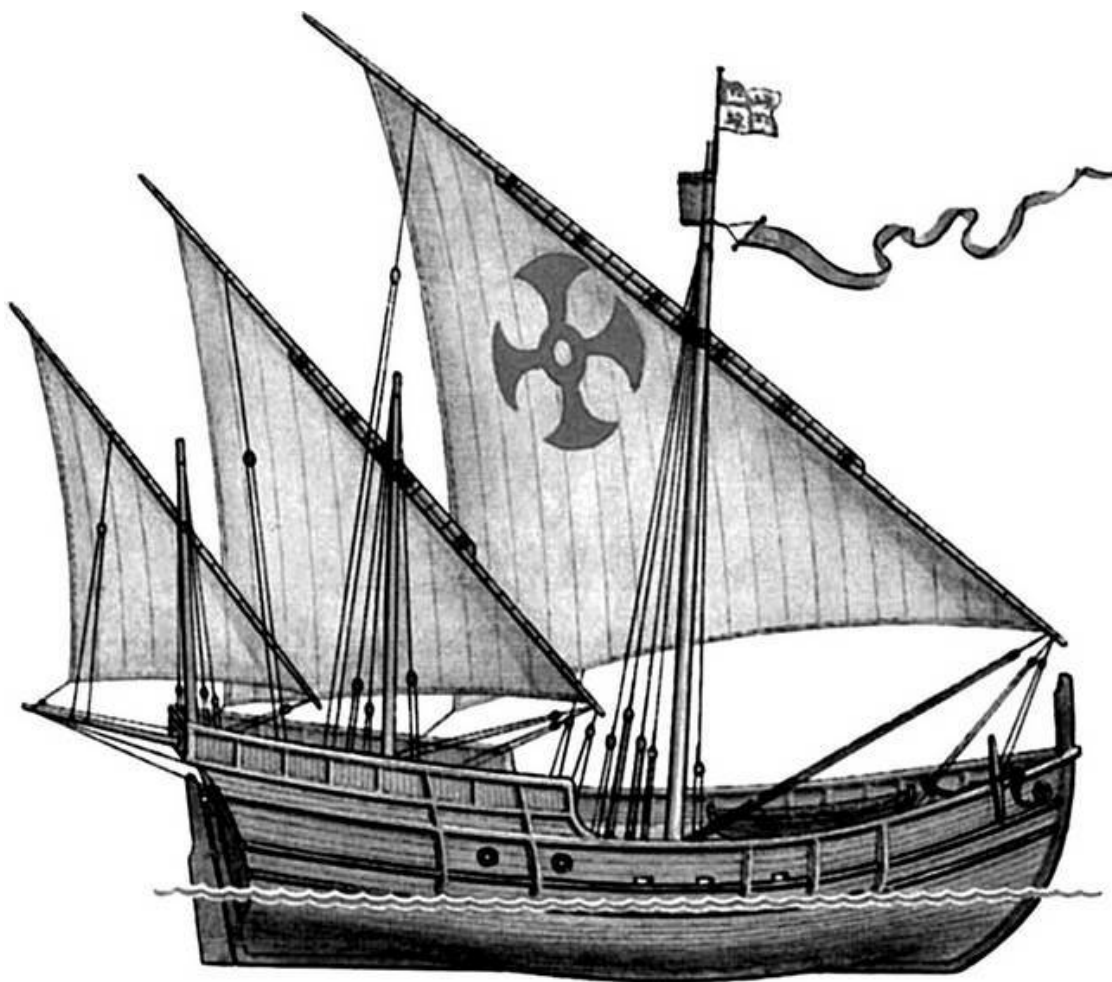
Король Фердинанд. Его в те годы волновали проблемы Неаполя и Сицилии, Сардинии и Алжира. Он гасил пламя крестьянской войны в Каталонии, тратил силы и средства на Гранаду. А деньги на сомнительное предприятие дал!

Королева Изабелла. Она была моложе и мудрее своего мужа. Мила и обходительна с нужными ей людьми. Острый ум и отличная память позволяли ей блестяще вести государственные дела. Колумб молился на нее всю жизнь.

Так кому же была выгодна экспедиция? Конечно же, им, католическим королям, которые мечтали о великой кастильско-арагонской империи, владеющей чудо-городами в Китае, Индии... А может быть, и не Индии? Кто знает, что лежит там, за океаном?..

В дневнике Колумба мы обнаружили отсутствие колебаний при выборе маршрута, а также при самом передвижении в огромном, казалось бы, неведомом океане. Суда шли до Канар и оттуда на широте этих островов – к Новому Свету. То есть на всем протяжении маршрута они постоянно пользовались дующими восточными пассатами и благоприятными течениями в океане. То был лучший для парусников маршрут в Атлантике.

Д.Я. Цукерник, историк из Алма-Аты, замечает, что, двигаясь по неизвестному маршруту, кораблям следовало бы идти только в светлое время суток, а ночью либо останавливаться, либо замедлять плавание, чтобы не натолкнуться на остров или другую землю. Но каравеллы шли полным ходом днем и ночью, как будто кормчий был уверен, что никаких неожиданностей нет и не будет...

Каравелла «Нинья» – любимый корабль Х. Колумба

Колумб перед отправлением с Канарских островов вручил командирам кораблей пакеты, написав на них, что вскрыть их можно только в случае разъединения бурей. Там было сказано, чтобы при отдалении судов на 700 лиг от Канарских островов они не двигались ночью. 700 лиг – это 4150 километров. Восточные острова Карибского архипелага находятся от Канар именно на таком расстоянии... Откуда адмирал знал об этом?

Проблема возвращения домой встала перед участниками экспедиций в первые дни плавания. Морские течения и пассаты пугали членов команды: матросы думали, что они ста-

нут непреодолимым препятствием для возвращения домой. Единственным человеком, сохранявшим спокойствие и невозмутимость, был Колумб. Он успокаивал моряков, уверяя, что обратно они поплывут тоже с попутным ветром.

Обратно флотилия шла на северо-восток и более двух недель уверенно продиралась сквозь ветры и волны именно в этом направлении. Там она попала в зону постоянно дующих западных ветров и течения, ими образованного. Затем суда круто повернули на восток и на большой скорости подошли к Азорам. То был лучший маршрут из Старого Света в Новый!

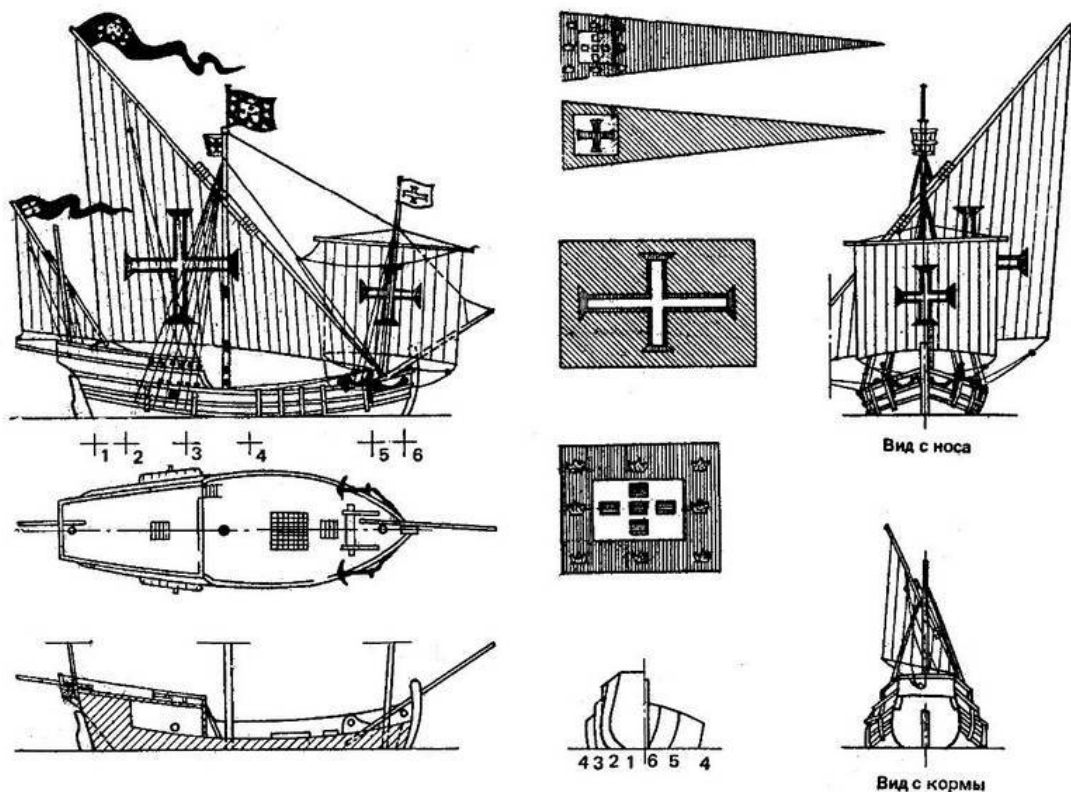
Друг детства Колумба и участник его второй экспедиции Микеле ди Кунес в письме от 15–28 октября 1495 года писал, что, когда Колумб заявил, будто Куба – это берег Китая, один из участников плавания с этим не согласился и большинство спутников тоже. Тогда адмирал прибег к угрозам и заставил людей произнести заранее подготовленную клятву, что они согласны с ним во всем и обязуются никогда не излагать иных взглядов. Так руководители экспедиции распространили лживые сведения, будто бы открытые земли – Азия и цель экспедиции – лишь достичь ее.

Бартоломе Колумб, брат и сподвижник Христофора, показал: «В те времена, когда брат ходатайствовал об этом, над ним издевались, говоря, что он, наверное, хочет открыть Новый Свет». Ни в Средневековье, ни в иное время Азия никогда не именовалась так...

Глава 1

Кто был первым? Мореходы Древнего Востока осваивают Африку и... Австралию

В первых числах августа 1487 года три корабля Бартоломеу Диаша вышли из Лиссабона и отправились в путешествие, которому суждено было стать решающим этапом великой морской экспансии Португалии. Записки Жуана ди Барруша сохранили для нас детали этого плавания.

Каравелла Бартоломеу Диаша

Современные историки географических открытий нечасто вспоминают бога. Но в случае с португальскими плаваниями это иногда приходится делать. У их участников существовал обычай: места, куда они прибывали, называли по святым – именам святых католического календаря. Зная об этом, историки смогли достаточно точно определить районы, где побывали путешественники. Так, например, был определен день прихода Диаша в бухту Святой Барбары в Конго – 4 декабря (популярность этой святой была велика у моряков и военных в Португалии второй половины XV века). Четыре дня спустя эскадра достигла Китовой бухты (Уолфиш-Бэя), названной тогда бухтой Непорочной Девы, а затем пришла в бухту Элизабет. Земли эти показались португальцам такими мрачными, что за ними закрепили имя «Угрюмые пески». Тогда они не подозревали, что дюны скрывают алмазные россыпи...

Но у нас сейчас речь пойдет о другом. Всюду, где суда приставали к берегу, за ними наблюдали сотни внимательных глаз. Облик каравелл надолго оставался в памяти прибреж-

ных жителей, фиксируя всех чужеземцев, откуда бы они ни прибывали – по воде или посуху.

К югу от Уолфиш-Бэя армаду подхватили сильные юго-восточные ветры и донесли до бухты Ангра-Пекена, в теперешней Намибии. На берегу мореходы установили каменную плиту – падран, которую везли для такого случая из самой Португалии. Здесь Диаш переступил границу достигнутого соотечественниками. Мыс Доброй Надежды приближался с каждым днем...

Но он не подозревал, что для кого-то он давным-давно оказался пройденным пунктом длинного маршрута!

Властители морей

В конце XX века в научной прессе появились сообщения о любопытных находках археологов на различных отрезках побережья Южной Африки – о наскальных рисунках, изображающих странные корабли. Они были нанесены острым предметом на прибрежные скалы в нескольких пунктах побережья и, скорее всего, сделаны по памяти. Рисунки сравнили со старыми книжными гравюрами. В чем-то они совпали, в чем-то – нет. Португальские исследователи, склонные всегда слегка преувеличивать значение соотечественников в истории мореплавания, настаивают на том, что на всех изображениях – именно португальские корабли. Но достаточно взглянуть на рисунки, чтобы усомниться в этом. Действительно, четыре судна на первых из найденных рисунков похожи на «оригиналы», сохранившиеся в старых книгах и на старинных картинах. Но остальные... Их нашли позже других в местечке Салманс-Крааль в районе Кланвильяма. Даже при беглом знакомстве с рисунками у исследователей сразу зародилось сомнение: а не финикийские ли это суда?

Наскальный рисунок корабля в Салманс-Краале, Южная Африка и изображение финикийского корабля на древнегреческой вазе

Финикийцы в Южной Африке? За две тысячи лет до португальцев? Этому ученые из Лиссабона и Порту никак не хотели допускать. Англичане высказались в пользу финикийцев. Ведь рисунки органически дополнили известные данные Геродота о плавании вокруг Африки при фараоне Нехо... «Каравеллы – лучшие из судов, бороздящих моря, и нет места, где бы они не могли пройти», – писал средневековый хронист. Добавим к этому: лучшие из судов Средневековья. А ведь были еще античные суда, и плавали они быстрее, а порой и дальше португальских. Доказательств этого с каждым годом все больше и больше.

Знаток древнего мореплавания из Санкт-Петербурга А. Снисаренко в свое время в книге «Эвпатриды удачи» дал развернутую характеристику морского флота финикийцев, которые «обслуживали», кстати, многие страны и народы древнего Средиземноморья, в частности египтян. Вот что он пишет:

«Пророк Иезекииль подробно и со знанием дела описывает тирские корабли, приоткрывая попутно завесу над международными связями Тира, чьи пределы были в «сердце морей». Для палуб и, по-видимому, для корпуса тиряне использовали кипарис из Сенира,

или Сennaара, то есть из Шумера. Мачты изготавливали из ливанского кедра, весла – из «дубов васанских», произраставших в Батане, районе Палестины. Скамьи для гребцов (ими были жители другого, соседнего с Тиром финикийского города Сидона) строга́ли из кипрского бука и отделявали слоно́вой костью. Для парусов доставляли узорчатые полотна из Египта, они же служили флагом в дополнение к вывешивавшимся по бортам щитам и шлемам...». Управление кораблями тиряне не доверяли никому, ревниво храня секреты морского ремесла.

Качественно иными были военные корабли Финикии, больше всего известные по рельефам из дворца Синаххериба, сына Саргона. Обладая всеми достоинствами египетских военных кораблей, они имели совершенно иную конструкцию, которую позднее переняли греки и римляне. Прежде всего, на них можно обнаружить две палубы. Основным двигателем были весла, с помощью которых можно было передвигаться в любом направлении, независимо от течений и погоды. Низкие борта компенсировались фальшбортом, укрывавшим гребцов. Такие корабли назывались дикрота́ми.

Изображение финикийского корабля на рельефе из города Сидон

Но самым главным новшеством финикийских военных кораблей был мощный таран, позаимствованный, видимо, у критян. Такие плавучие крепости могли удовлетворить самого взыскательного пирата древности, а также выдержать путешествия на большие расстояния.

Финикийцы были скрытными и хитрыми мореходами. «Однажды карфагенские купцы даже утопили собственный корабль только для того, чтобы плывшие следом чужаки не выведали, куда и зачем они направились», – продолжает рассказ о финикийских мореходах другой знаток средиземноморских древностей И. Шифман. «Карфагенские власти, покровительствовавшие такой политике, возместили этим купцам убытки. Может быть, именно поэтому мы так мало знаем о финикийских мореплавателях и до нас не дошли, за крайне ред-

кими исключениями, их имена. А кто знает, не совершали ли финикийцы еще более далекие плавания, о которых не сохранилось никаких упоминаний в произведениях древних авторов? Не сохранилось именно вследствие той таинственности, которой было окутано финикийское мореходство...».

Нет, что-то все-таки дошло до нас, и даже этого малого достаточно для того, чтобы понять, что для достижения своих целей финикийцы были готовы на многое. «В Тире было много верфей, на которых кроме самих тирян работали выходцы из других финикийских городов – Библа, Сидона и Арвада, – рассказывает И. Шифман. – Работа на верфях почти не прекращалась – ведь кораблей нужно было много». Корабли, предназначавшиеся для перевозки грузов на сравнительно небольшие расстояния, в пределах восточной части Средиземноморского бассейна, строились, видимо, по образцу рыбацких лодок. Древнейшее изображение таких судов найдено в египетской гробнице середины II тысячелетия. Это были одномачтовые суда с небольшой осадкой, высоко поднятым носом и кормой и огромным четырехугольным парусом. Основу судна составляла продольная балка – киль, на который наращивались шпангоуты, обшивавшиеся досками. Фальшборты делались несплошными. Каких-либо продольных или поперечных связей еще не было; фактически борта были соединены палубным настилом. Нос и корма образовывались с помощью специальных балок, прикреплявшихся к килю и располагавшихся вертикально по отношению к нему. Эти балки (форштевень в кормовой и ахтерштевень в носовой части) поднимались значительно выше бортов и палубы. Парус закреплялся на двух реях; нижняя рея была подвешена на многочисленных тросах и, когда парус свертывался, поднималась вверх. Такому парусу можно было придать любое положение по отношению к корпусу судна, что позволяло морякам в случае необходимости маневрировать. На корме находилось рулевое весло. Используя попутные течения, на таком судне можно было проделать путь от устья Нила до мыса Кармел за одни сутки; на обратную дорогу требовалось от восьми до десяти суток.

И вот важный факт, очень важный для нашего повествования: видимо, уже во второй половине II тысячелетия до нашей эры финикийцы создали корабли, предназначавшиеся для дальнего плавания, – так называемые таршишские суда. Это название возникло потому, что страна Таршиш (область и город Тартесс, Южная Испания) считалась на Ближнем Востоке «краем света», чем-то вроде «тридевятого царства, тридесятого государства». Однако мы не знаем, что представляли собой «таршишские» корабли в этот период и каким было их устройство. Главное, они были!

Вокруг Африки

В XI веке до н. э. древний Египет стал постепенно терять свою государственную независимость. В 730 году до н. э. он был завоеван войсками африканского государства Напата. В 685 году до н. э. фараону Псамметиху удалось на время установить независимость страны, призвав на помощь греческих и малоазиатских наемников. В 671 году ассирийцы захватили Мемфис, древнюю столицу Египта. И сам Псамметих, и его сын Нехо все чаще открывали морские порты теперь уже не только для финикийских, но и для греческих кораблей. В Средиземноморье зарождалась новая сила, способная достойно конкурировать с финикийским и египетским флотами. И Нехо, пытавшийся вновь поднять престиж страны и продемонстрировать мощь египетского флота, приказал финикийским мореходам, находившимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим из известных географическим предприятием древности.

«Несомненно, Ливия (имеется в виду Африканский континент. – *Авт.*), по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Ара-

вийский залив царь послал финикийцев на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикийцы вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийцы обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне».

Таков рассказ Геродота об этом плавании вокруг Африки в VI веке до н. э. «Отец истории» посетил Египет в 450 году до н. э. и слышал там этот рассказ от жрецов. Больше о плавании не упоминал никто – может быть, потому, что его организаторы пожелали сохранить в тайне результаты экспедиции.

Скудные строчки этого сообщения вызвали сомнения еще в греко-римскую эпоху. Многие античные авторы (Полибий, Посидоний и другие) оспаривали его, ибо, по их представлениям, «Ливия» (то есть Африка) смыкалась с Азией на юге. Кроме того, древние считали наименее вероятной ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания. Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывшие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Значит, корабли зашли далеко на юг и могли наблюдать это у южной оконечности материка.

Несмотря на правдивость рассказа Геродота, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что это плавание длиной 27 тысяч километров, из которых 15 тысяч километров составляли неизвестные берега. Если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать догадок и заблуждений более поздних времен. Но корабли вернулись в Египет, когда фараона Нехо уже не было в живых, и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о достигнутом...

До последних лет не имелось никаких, кроме сообщения Геродота, упоминаний об этом удивительном плавании. Но вот какие сведения опубликовал не так давно в «Южно-африканском археологическом бюллетене» археолог из ЮАР Т. Сэмпсон. Первое, что он обнаружил, это свидетельство английского путешественника начала прошлого века Дж. Томпсона. В книге «Приключения в Южной Африке» он упоминает о странной находке в местечке Кейп-Флэтс, в районе мыса Доброй Надежды, сделанной незадолго до его приезда. Томпсон сам видел найденное. Если верить его описанию, то речь шла о частях обшивки какого-то древнего судна «со следами металлической субстанции в сильно разъеденном состоянии» – как он предполагает, гвоздей. Старый плотник, присутствовавший при этом, утверждал, что древесина была кедровая. Еще тогда, в 1827 году, Томпсон предположил, что это останки финикийского судна, потерпевшего крушение во времена, когда пирамиды еще были молодыми, а район Кейп-Флэтс находился под водой. Но о находке забыли.

Через тридцать лет после появления таинственных обломков местный чиновник сообщал в письме губернатору провинции о находке на побережье семидесятифутовой полуистлевшей кедровой доски. Сохранившиеся обломки уже в XX веке изучал известный южно-африканский ученый Раймунд Дарт. Он установил, что длина парусника могла достигать 170 футов, а это вполне соответствует размерам судов у финикийцев.

Шаги в неведомое. Ганнон плывет к «Колеснице богов»

Так уж случилось, что история ранних плаваний в Атлантике намного туманнее, чем данные о первопроходцах Индийского океана. Из-за отсутствия каких-либо достоверных сведений честь открытия Западного побережья Африки целиком приписывают португаль-

цам, так же как испанцам – славу сомнительного «открытия» и покорения Нового Света. Но так ли все было на самом деле? Неужели за века и тысячелетия жизни развитых цивилизаций Средиземноморья не нашлось смельчаков, отважившихся проникнуть в неведомое? Конечно же, такие люди были, но мы располагаем только обрывками сведений...

Итак, слово И. Шифману: «В течение VI – первой половины V века на территории Северной Африки, непосредственно прилегающей к Карфагену, благодаря успешным войнам с ливийцами, а кроме того и в результате победы над западным соседом – киренянами – сложилась довольно обширная область карфагенского господства. Однако не менее важную роль, чем войны, сыграла в этом процессе мирная карфагенская колонизация Северной Африки, начавшаяся значительно ранее, вскоре после основания Карфагена».

«В VIII–VII веках средиземноморское побережье современных Туниса, Алжира и Марокко было усеяно многочисленными карфагенскими колониями. Наиболее крупная колонизационная экспедиция пунийцев связана с именем выдающегося финикийского флотоводца Ганнона; археологические исследования на атлантическом берегу Марокко позволяют более или менее уверенно отнести этот поход к VII–VI вв. до н. э.»

Подробности этой экспедиции известны нам по очень любопытному документу, так называемому «Периплу Ганнона», который сохранился до наших дней в изложении на греческом языке и много раз переводился на русский и другие современные языки. Насколько достоверно этот текст воспроизводит содержание подлинного отчета Ганнона, трудно сказать. Есть веские основания думать, что составитель этого произведения под влиянием поздней древнегреческой приключенческой литературы расцвел сухой отчет карфагенского «адмирала» рассказами о разного рода таинственных явлениях, которые должны были потрясти воображение читателя. Ведь речь шла о малоизвестных далеких странах, куда плавали очень редко. И тем не менее вряд ли можно сомневаться, что в основе этого документа лежит подлинный отчет карфагенского путешественника, находившийся в храме бога Баалхаммона, или, как его называли греки, Кроноса, и каким-то образом ставший известным грекам. Посмотрим же, что могло происходить в действительности.

«Постановили карфагеняне, чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы и основывал города ливиифиникиян. И он отплыл, ведя 60 пентеконтер (пятидесятивесельных судов. – *Авт.*) и множество мужчин и женщин, числом в 30 тысяч, и везя хлеб и другие припасы».

Это первые строки документа на греческом языке, известного как «Перипл Ганнона». Так начинается невероятный на первый взгляд рассказ о путешествии карфагенского флотоводца Ганнона к «Колеснице богов». Но почему на греческом языке? До сих пор это остается загадкой. Известно лишь, что запись датируется примерно 350–300 гг. до н. э. и сделана через два века после плавания. Полагают также, что текст не имеет конца, да и в середине не хватает отдельных кусков. О Ганноне упоминали также Помпоний Мела, Плиний и другие авторы. Большинство исследователей пришли к единому мнению: флотилия отплыла от берегов Карфагена около 525 г. до н. э., но не позже, так как именно тогда персы захватили Египет и их нашествие угрожало карфагенской державе.

Куда же заплыл Ганнон? Многие исследователи считают, что экспедиция Ганнона добралась до Камеруна. Другие полагают, что он не продвинулся далее Гвинеи. В данной работе нет смысла останавливаться подробно на многочисленных дискуссиях по вопросу плавания Ганнона. Это плавание было одним из крупнейших предприятий древности, в подлинности которого большинство ученых уже не сомневается.

В самом деле, адмирал Ганнон одним броском проник на западноафриканское побережье за 2000 лет до того, как первые португальские каравеллы осторожно, десятилетиями стали осваивать берега Африки. Но его путешествие не принесло пользу карфагенской державе. Страна не нуждалась в столь далеких землях. Золото, невольников и слоновую кость она получала через Сахару, по караванным путям. Последующие печальные для Карфагена

события заставили людей забыть о плавании Ганнона. Единственным источником сведений осталась его запись.

Через десятилетия после плавания Ганнона другой флотоводец – Гимилькон, по свидетельствам Плиния Старшего и Руфа Феста Авиена, добрался до Британских островов – Касситерид и Эстремнид древности. Однако Авиен жил через 800 лет после Гимилькона и пользовался чужими пересказами карфагенских рукописей. В работе «Морские берега» он дает описание одного из западноевропейских морей: «...Тут начинается залив Атлантический... громада каменных вершин вся главным образом на юг обращена... Внизу же этих гор, у самого подножия, где вступает мыс... широко открыт залив Эстремедийский. В нем лежат те острова, которые зовутся Эстремнидами. Широко раскинувшись, богаты они металлами, свинцом и оловом. Народу много тут живет... Они широко бороздят и море бурное, и бездны океана, чудищ полные... но – чудное дело – они готовят себе корабли из сшитых шкур... Пуниец Гимилькон..., с трудом доплыв сюда, говорит, что сделать такой путь возможно только в четыре месяца...».

Авиен сообщает также о водном пространстве к западу от Геркулесовых Столбов, трижды ссылаясь на того же Гимилькона: «Далее на запад от этих Столбов море безбрежно, как говорит Гимилькон... Никто не доходит до этих вод, никто на эти моря не посылал своих кораблей...».

И. Шифман, комментируя эти строки Авиена, пишет, что течение занесло корабли Гимилькона в заросли морских растений, вероятно, вблизи Пиренейского полуострова. Там царил безветрие, и мореходы, с трудом продвигаясь вперед, с ужасом глядели на чудовищ, медленно проплывавших мимо...

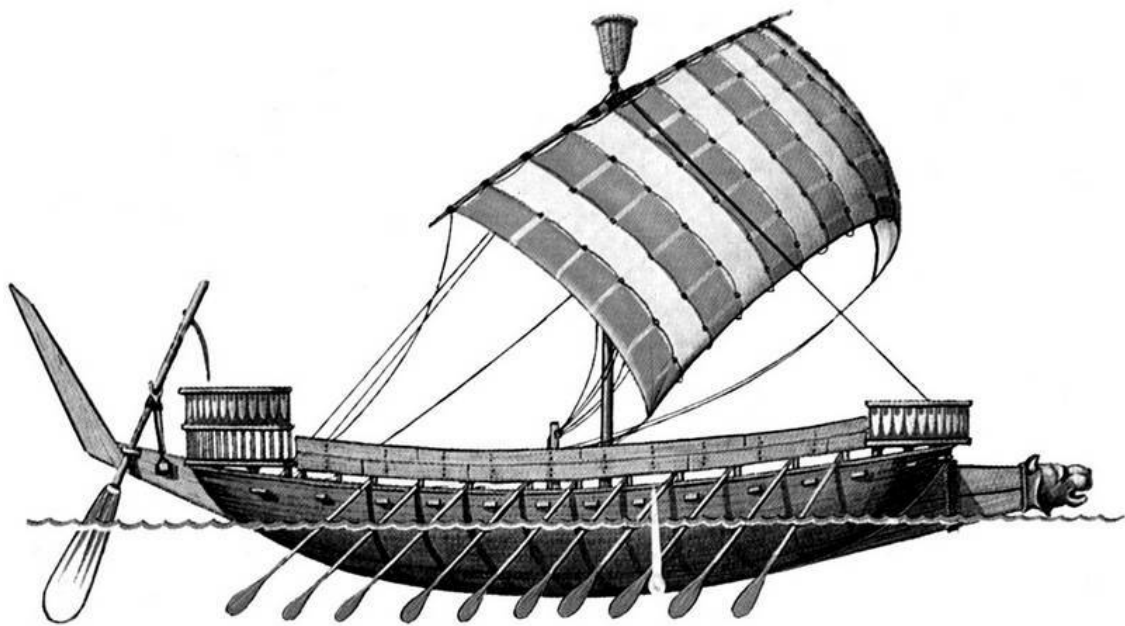
Понятное дело, советский ученый не мог во всеуслышание высказать гипотезу, что экспедиция после четырех месяцев плавания спокойно могла попасть в Саргассово море у побережья Америки, а не в «скопление водорослей у берегов Испании». И добавляет: «В связи с этим уместно сказать несколько слов вот о чем. Время от времени в газетах и научно-популярных изданиях появляются сообщения о том, что где-то в Америке найдены финикийские надписи. Чрезмерно доверчивые журналисты спешат поразить мир сенсацией: оказывается, это финикийцы, вероятнее всего карфагеняне, первыми посетили Америку. Мы вынуждены разочаровать читателей: при ближайшем рассмотрении эти надписи обычно оказывались очень примитивно сработанной подделкой. Не стоит приписывать финикиям того, что они не делали. Они внесли большой вклад в освоение морских путей Старого Света. И это вполне достаточно».

Достаточно для чего? Для того чтобы закрыть тему трансатлантических связей в древности? Но ведь далеко не все находки оказались подделками! Но об этом речь еще впереди.

Скилак, Сатасп и другие

Захватив часть Египта, персидский царь Дарий захотел напасть на Северо-Западную Индию, используя свой огромный флот. Но для этого Дарию нужны были сведения о южных морях. Выбор пал на морехода Скилака. Достоверность этой очень хорошо подготовленной морской экспедиции древности неопровержимо доказана археологическими памятниками, найденными в районе Суэцкого канала. В надписях говорится также, что через Нил и Красное море можно попасть на судах в море, которое простирается на огромное расстояние.

Задачей Скилака было обследовать течение Инда и устье этой великой реки. Он справился с этим и, возможно, даже перевыполнил план, так как находился в плавании больше рассчитываемого времени. Если верить Геродоту, то данные, добытые Скилаком, в значительной степени обусловили успех индийского похода Дария. По разным предположениям, плавание состоялось между 518 и 512 гг. до н. э.

Реконструкция древнеегипетского военного корабля. Около 1200 г. до н. э.

Теперь обратимся к Индийскому океану. В Красном море и Аденском заливе египтяне, а за ними и арабы вели торговлю на протяжении всего 2-го тыс. до н. э., но свидетельств об этом сохранилось ничтожно мало. Прилив любознательности и экономическая необходимость привели мореплавателей и в этот сектор древнего мира: под давлением персов правители Египта в VI–V вв. до н. э. восстановили перешеек Нил – Красное море, предтечу Суэцкого канала. Иероглифическая надпись того времени, найденная на трассе древнего канала, говорит, что «корабли могли пройти напрямую из Нила в Персию через Сабу».

Но все же было одно великое предприятие древности, которое сегодня можно считать прологом будущих плаваний к Австралии и в Новый Свет. Это самая знаменитая экспедиция – плавание в Пунт – состоялась в период правления царицы Хатшепсут. Сохранились настенные рисунки в храме Дейр эль-Бахри в Фивах, есть там пространная надпись, повествующая о путешествии. Об этой экспедиции написано очень много. Однако и маршрут, и цели, которые преследовали древние египтяне, остаются невыясненными. Лишь недавние исследования, проведенные совместными усилиями ученых многих стран, проливают, пожалуй, некоторый свет на эту проблему.

Надпись в храме гласит: «Отчаливание от земли с миром по направлению к чужеземной стране Пунт...». Послушавшись оракула бога Амона, царица Египта Хатшепсут отправила экспедицию в неведомую страну Пунт. Для этого было снаряжено несколько кораблей. Хатшепсут приказала взять отважнейших воинов и опытейших мореходов. Начальником царица назначила одного из высокопоставленных дворцовых сановников.

Как протекала экспедиция? Сколько времени длилось путешествие? Об этом надпись умалчивает. Но, согласно записи, корабли в результате пришли в Пунт. Чудеса чудес открылись взорам изумленных пришельцев. Удивительный, неведомый мир, незнакомые племена. Местными жителями экспедиция была принята сердечно.

Из плавания египтяне вернулись, нагруженные множеством экзотических даров. «Привезли они, что никогда не было привезено ими для других царей, удивительные вещи чужеземной страны Пунт...», – гласит древнегреческая надпись.

Но летописец, оставивший отчет о путешествии, ошибался, утверждая, что ничего подобного не привозилось никакому другому царю. Привозилось, только очень давно, и он

мог не знать об этом. А современные ученые это выяснили точно. Фараон IV династии Снофру отправлял в Пунт экспедиции около 2600 г. до н. э. Правитель V династии Сахура (ок. 2487–2475 гг. до н. э.) тоже снаряжал корабли. Они ходили в Пунт и доставили 80 000 мер мирры, 6000 весовых единиц сплава золота и серебра, 2600 стволов черного дерева.

Следы посланцев Сахура имеются в надписях на скалах у первого порога Нила, они свидетельствуют о дальних походах в Нубию. Этот фараон впервые в истории Египта использовал суда для перевозки войска по морю – из Нижнего Египта в Сирию. Особый интерес представляет текст письма, написанного фараону Пепи II (ок. 2279–2219 гг. до н. э.) его сановником Хирхуфом, помещенный на стене у входа в царскую гробницу. Там сообщается, что из далекой Южной Нубии были доставлены многочисленные дары: черное дерево, слоновая кость, шкуры леопардов и благовония.

Другая надгробная надпись, относящаяся ко времени правления той же династии, прославляет кормчего Хнемхотепа родом с острова Элефантины за то, что он не менее одиннадцати раз плывал в страну Пунт. После перерыва, вызванного нашествием гиксосов, плавания в Пунт возобновились. Тутмос I (ок. 1504–1492 гг. до н. э.) значительно раздвинул границы египетской державы, расширив тем самым географические горизонты жителей долины Нила. С этого времени постоянные торговые связи с Пунтом стали важной стороной экономической жизни древнего Египта.

Дочь Тутмоса I, уже известная нам Хатшепсут, унаследовала государственный ум отца и осуществила его замыслы. Как считают ученые-египтологи, плавание в Пунт последовало на девятом году правления царицы, то есть летом 1493 года до н. э. (другие ученые датируют его 1482–1481 гг. до н. э.) Время для плавания в южном направлении было подходящим: в июне на Красном море дуют южные ветра. А обратное плавание было предпринято в сентябре – октябре, опять при удобных ветрах, на сей раз северных. Но некоторые специалисты усомнились в самой возможности плавания по морю, они считали, что изображенные в храме суда подходят только для каботажных перевозок. Рассуждать так – значит забывать о достижениях археологии. Специалисты проследили эволюцию древнеегипетских навигационных средств: от примитивных нильских долбленых лодок и плотов из папируса до превосходных парусно-весельных кораблей. Такие суда уже могли проходить огромные расстояния по морю. Есть рисунки этих кораблей, достигавших 60 метров в длину. Два известных папируса – Туринский и Лейденский (соответственно 2009 и 2350 гг. до н. э.) – сообщают о перевозках большого количества товаров на судах. В Туринском папирусе даже упоминаются живая рыба и цветы. Эти скоропортящиеся товары доставлялись чрезвычайно быстро.

Египтяне открывают пятый континент

Австралия была уже достаточно заселенным материком, когда она вдруг начала открывать свои секреты. Первые колонисты занимались своими внутренними делами и не особо интересовались тайнами новой родины. Но к середине XIX века, когда поселенцы уже достаточно прочно обосновались в Австралии, выяснились совершенно загадочные обстоятельства...

В ста милях к северу от Сиднея в заповедных лесах национального парка Хантер-Вэли в штате Новый Южный Уэльс сделано открытие, споры о котором не утихают уже который год. В заповеднике на побережье Тихого океана обнаружена иероглифическая надпись, в которой, по-видимому, говорится, что египтянин Джесеп, сын достопочтенного фараона Джедефры, внук божественного Хуфу, побывал в этой местности Австралии.

Об этих письменах было что-то известно уже в XIX веке, но потом о них забыли. Один из старейших египтологов Рей Джонсон, который принимал участие в переводах наиболее древних текстов из коллекции Каирского музея, смог перевести эти вновь найден-

ные «австралийские» надписи. Как выяснилось, на стенах зафиксирована хроника древних египетских путешественников, потерпевших кораблекрушение «на странной и враждебной земле», а также сведения о преждевременной кончине их предводителя. Как следует из надписи, этот руководитель принадлежал к царскому роду и являлся сыном фараона Джедефры (ок. 2566–2558 гг. до н. э.), сменившего во главе Египта широко известного нам фараона Хуфу (Хеопса). Подробно описана как сама гибель предводителя от змеиного яда, так и ритуал его погребения.

Прорисовка египетских надписей из парка Хантер-Вэли в штате Новый Южный Уэльс, Австралия

Рядом с надписью из 250 иероглифов на камне высечено изображение бога Анубиса, что, без сомнения, указывает на связь с Древним Египтом. В тексте рассказывается о египетской морской экспедиции, потерпевшей кораблекрушение у берегов Австралии. Вернуться назад, потеряв корабль, они не могли. Путешественники разбили лагерь на чужом берегу, пытались приспособиться к незнакомым природным условиям и ужасно страдали от всяких ядовитых животных.

Там также сказано, что они построили пирамиду. В этой местности действительно имеется несколько построек, напоминающих по форме небольшие ступенчатые пирамиды.

В 1837 году английский путешественник и географ Джордж Грей отправился в экспедицию к Западному и Южному побережьям Австралии, которые оставались до этого практически неизученными. За время долгого и трудного путешествия Грей открыл реку Гаскойн и пустился исследовать течение реки Гленелг. Но в устье реки его ждала неудача: корабль разбился о подводные камни. Географ и члены его команды едва успели перебраться на берег. Изнуренные и измученные люди пробирались сквозь непроходимые леса к ближайшему городку, до которого было около 500 миль.

Во время одного из привалов Грей решил исследовать загадочную пещеру на берегу реки. Когда он зашел внутрь, то удивлению его не было предела: на закопченных сводах пещеры явственно виднелись рисунки, сделанные человеком. Но, приглядевшись, он понял, что найденные рисунки никак не похожи на наскальную живопись австралийских аборигенов и, более того, фигуры, изображенные на них, явно принадлежат не аборигенам, а людям, чем-то напоминающим древних египтян!

Ошарашенный Грей кинулся к своим измученным спутникам, которые также убедились в том, что эти рисунки, явно сделанные много-много лет назад, изображают людей из Египта. Когда измученные путники добрались до цивилизации, то их сообщениям мало кто поверил – мало ли что может привидеться голодным и измученным путешественникам.

Но в XX веке об этой пещере и находке Грея вспомнили, после того как в 1931 году были найдены такие же загадочные наскальные изображения. Их обнаружил в Центральной Австралии археолог Майкл Терри. Эти рисунки тоже никаким образом не походили на обычные наскальные росписи аборигенов. На них тщательно были выведены черты лица, детали одежды – и опять и внешность, и одеяния нарисованных людей явно не принадлежали аборигенам. Эти фигуры были выбиты на высоте более десяти метров от земли, что вызвало еще одну загадку: каким же образом они были созданы.

В 1961 году недалеко от города Алис-Спрингс были найдены новые загадочные наскальные изображения. Их изучением занималась группа исследователей из Исторического музея Аделаиды и австралийского Института по изучению аборигенов. Ученые привезли из экспедиции более четырехсот фотографий этих наскальных рисунков. Роберт Эдвардс, куратор антропологического отдела австралийского музея, заявил: «Они не принадлежат ни к одной известной форме туземной культуры».

Это заключение подтвердило гипотезу, давно ходившую в ученых кругах: в Австралии в свое время побывали некие загадочные племена, не имеющие ничего общего с коренными жителями.

Откуда же прибыли эти племена? Антрополог Графтон Эллиот Смит, профессор Манчестерского университета и ярый сторонник диффузионистской теории, выдвинул еще в начале XX века такую версию, первоначально вызвавшую смех у его коллег: в Австралии в свое время жили египтяне! В доказательство своей гипотезы он приводил следующие факты: у некоторых австралийских племен существовал обычай мумифицировать тела покойников. Этот обычай отменили только христианские миссионеры – в конце XIX в. Но мумии остались в целости и сохранности, и их изучение позволило сделать вывод: мумифицировались они таким же способом, как и древнеегипетские.

А в феврале 1964 года на месте древнего города в Египте была обнаружена гробница женщины, захороненной приблизительно в 1000 г. до н. э. Исследование останков тела показало: для бальзамирования было использовано эвкалиптовое масло. Это казалось невероятным. Ведь единственное место, откуда могли доставлять тогда такое масло, – это Австралия и Новая Гвинея.

А затем выяснились обстоятельства, которые вполне вписываются в версию Смита. В разных местах Австралийского континента найдены загадочные знаки, которые при желании можно принять за иероглифы. Эти знаки напоминают иероглифические обозначения древнеегипетского бога Атона. Другие знаки представляют священного жука скарабея, мумии и человеческие фигуры, похожие на типичные изображения людей в Древнем Египте. Один знак, по-видимому, является изображением почитаемого аборигенами божества – всевластного духа предков Вонджины, окруженного сиянием, а другой знак похож на значок иератического письма, который можно интерпретировать как имя Вонджины. Многочисленные наскальные рисунки в Австралии представляют собой схематичные, типично египетские изображения мумий, сфинксов и других предметов, которые не имеют к Австралии никакого отношения. Неужели все эти многочисленные рисунки фальсифицированы?

Еще в 1909 году Энди Гендерсон, австралийский фермер, ставил на своем участке новый забор. Дело было в Кэрнсе, штат Квинсленд. Его лопата стукнулась о кусок железа, который он отбросил не глядя. Но все же что-то привлекло его внимание, и он решил рассмотреть находку. Оказалось, что это старинная монета – очень ржавая и ничем не примечательная. Он все же принес ее в дом и положил на полку, где она пролежала почти полвека.

В 1965 году в дом к внукам фермера попал гость-историк. Он заинтересовался необычной монетой и долго изучал ее. Когда ему сообщили, где и когда она была найдена, он отказался верить. Еще бы, на одной стороне монеты изображен рогатый Зевс Аммонский, а на другой – орел, оседлавший зигзаг молнии. Каждый из этих знаков – эмблема Птолемеев, династии египетских царей. Находка Э. Гендерсона относилась к эпохе Птолемея IV, правившего в Египте с 221 по 203 гг. до н. э. Такие монеты служили платой египетским солдатам.

А совсем недавно предположение о том, что египтяне в древности посещали Австралию, получило еще одно подтверждение. На полуострове Арнемленд на дороге близ города Дарвин мальчишки нашли странный на первый взгляд камешек. Он оказался маленькой скульптурой священного для древних египтян жука скарабея. Археологи датировали эту находку 1 тыс. до н. э.

При всем этом в Австралии имеются далеко не единичные свидетельства довольно оживленных контактов двух регионов в виде «странного» совпадения целого ряда местных преданий и традиций с древнеегипетскими. Например, аборигены Арнемленда и Торресова пролива даже мумифицировали своих умерших, придерживаясь схожей с древнеегипетской технологии! Они удаляли у умершего органы и мягкие ткани из полости живота, а также его мозг, делая для этого разрез в области ноздрей костяным инструментом. После вставки мумии искусственных глаз из жемчуга они бальзамировали труп и перевозили его на две мили к западу через море на лодке, подобно лодке Ра египтян, для погребения на острове мертвых...

Еще в 1875 году экспедиция Шеверта обнаружила мумифицированный труп и каноэ, использованное в обряде погребения на острове Дарнлей. Известный ученый-медик Рафаэль Силенто, исследовавший найденную мумию, констатировал, что и разрезы, и метод бальзамирования – те же самые, что практиковались в Египте во время XXIII династии (т. е. почти три тысячи лет назад!).

Не забудем упомянуть и о том, что типично австралийские бумеранги были известны и в Древнем Египте. Деревянные предметы характерной для бумеранга формы находились, к примеру, в знаменитой гробнице фараона Тутанхамона. Египтологи полагают, что это, соб-

ственно говоря, не бумеранг, а оружие для охоты на птиц. Брошенная с силой изогнутая палка на лету ломала птице шею, и добыча просто падала на землю. Но опыты показывают, что египетские «охотничьи палки» возвращались назад, как и австралийские бумеранги. Само по себе это, конечно, ничего не доказывает, так как разные народы могли самостоятельно изобрести аналогичные по форме и действию орудия. А вот в совокупности... Все эти находки позволили найти ответ на вопрос, почему на стенах египетских храмов изображены люди, не похожие ни на один из покоренных египтянами народов. Может, это жители загадочной Австралии, честь открытия которой, может быть, принадлежит египтянам.

Таким образом, не новая гипотеза целого ряда исследователей (которую вместе со всеми подобными австралийскими артефактами старается замалчивать академическая наука) о том, что суда древних египтян не только плавали вдоль африканских берегов, но и совершали трансокеанские переходы, находит зримые и неоспоримые доказательства на Австралийском континенте.

Пирамида Рекса Гилроя

Огромный вклад в изучение древнеегипетских следов на австралийской земле внес исследователь Рекс Гилрой, которого называют и местным Деникеном, и австралийским Эйвельмансом. Его книги, статьи и сайт пользуются огромным интересом во всем мире.

Перед тем как рассказать о новых материалах, представленных Р. Гилроем, по открытию и исследованию пирамиды Гимпи (Gympie), которая расположена на окраине одноименного городка в штате Квинсленд и представляет собой холм в форме пирамиды с террасами, приведем полностью его недавнее письмо авторам книги: «У меня нет сомнения, что египтяне плавали в Австралию и ходили в Тихий океан. Они использовали океанические течения, которые относили их суда из Красного моря к Индии и Юго-Восточной Азии, в том числе и к Яве. У некоторых племен северо-запада Кимберли еще в XIX веке были отмечены языковые заимствования, роднящие их с представителями древнего Средиземноморья. В статье, опубликованной в 1972 году в одном из журналов Квинсленда, я упоминал об открытии в центральном Квинсленде серии иероглифов архаического средиземноморского стиля, возможно, предшествующих по времени эпохе классического Египта. Конечно же, меня сурово раскритиковали местные ученые, ибо мои исследования никак не укладываются в рамки традиционной науки. Кстати, на старых китайских картах ясно видно, что китайские картографы знали о береговой линии Австралии более 2500 лет назад.

В моей коллекции имеется корабельный плотницкий топор, как я считаю, древнеегипетский, найденный в 1969 году в Лапстоуне, на пустыре в пяти милях от Сиднея. Древние египтяне тоже использовали бумеранги, как и аборигены Австралии, у которых, кстати, имеются поразительные совпадения в языке и мифах с древними египтянами.

Аборигены говорят, что их герои пришли давным-давно из-за моря, что долго жили с ними и принесли им обычаи и часть своих верований. На островах Торрессова пролива жители до сих пор используют лодки, удивительно похожие на папирусные лодки египтян. Кстати, в низовьях реки Хоуксбури был обнаружен наскальный рисунок галеры, который имеется в моей коллекции». Повторяем – к работе Гилроя можно относиться по-разному. Но отвергать его наработки мы не имеем права.

Однако вернемся к пирамиде. Построенная из гранитных блоков, она достигает около тридцати метров высоты. Здесь был найден небольшой артефакт, напоминающий египетского бога Тота, держащего Тау, или крест жизни. Эта небольшая статуя в настоящее время экспонируется в музее Гимпи. По слухам, тут также были обнаружены и другие объекты, в том числе скарабеи, монеты и даже головы, напоминающие статуи с острова Пасхи.

Рекс Гилрой, нашедший пирамиду и работающий в музее, уверяет, что она была создана египтянами, которых привлекала добыча полезных ископаемых в Австралии много веков назад. Их базы протянулись по восточному побережью Австралии и достигали района Голубых Гор возле Сиднея. Кстати, именно там обнаружена пещера Карионг, где стены покрыты египетскими иероглифами.

Город Гимпи находится к северу от Брисбена, в штате Квинсленд. Первые европейцы в 1830-х годах узнали о комплексе от ныне вымерших племен каби, называвших свой поселок Дхамури. По словам аборигенов, люди с коричневой кожей, голубыми глазами, светлыми волосами и амулетами в виде дельфинов давным-давно пришли из созвездия Ориона и построили пирамиды и храмы, но вода поглотила их цивилизацию.

Руины долго оставались табу для аборигенов. Однако европейские поселенцы стали брать камни с пирамид и из других сооружений и использовали их в качестве строительного материала зданий, включая местную церковь, которая стоит до сих пор. Уверяют, что там были каменные статуи, похожие на истуканов острова Пасхи, а также статуи животных. Все они с тех пор были уничтожены или спрятаны, даже тоннели под городком были взорваны. Но фотографии и эскизы сохранились.

Все, кроме одной, пирамиды были снесены в океан силами местных военных в 1950 году, и единственная оставшаяся пирамида сохраняется на частной земле под табличкой «Посторонним вход воспрещен». Она выглядит как серия террас до полутора метров высотой и трех метров шириной. Военные опечатали вход в нее в 1930 году после изучения отчетов о домашнем скоте, затерявшемся возле пирамиды и никогда не найденном.

Заканчивая эту главу, упомянем имя Барри Фелла, которое еще не раз будет встречаться нам на страницах книги. Профессор Барри Фелл (1917–1994), родом из Новой Зеландии и преподававший в Гарварде, – всемирно известный специалист по систематике, эволюции и поведению иглокожих и, кроме того, океанограф, лингвист и историк науки. Второе, гуманитарное образование он получил в Эдинбургском университете. Здесь же занялся изучением кельтских языков и литературы. Фантастические лингвистические способности Фелла позволили ему овладеть огромным количеством языков и глубоко постичь их взаимные связи, что встречается редко. Занятия лингвистикой побудили Фелла обратиться к эпиграфике – изучению и расшифровке древних надписей. Один из специалистов в этой области Линус Брюннер писал: «Деятельность Барри Фелла поистине изумительна, он волшебник расшифровки. Я думаю, в этой области ему суждено стать одним из самых великих мастеров всех времен».

Барри Фелл оставил большое научное наследство, которое практически неизвестно отечественному читателю и, к сожалению, ученым России. Из-за нескольких поверхностных публикаций, в которых Фелл назван «ученым-чудаком», интерес к его наследию у нас долгое время стоял, что называется, на нулевой отметке, и только сейчас гипотезы ученого стали находить сторонников среди наших соотечественников.

Что касается темы египетских плаваний, то Фелл старался доказать, что Тихий океан во 2-м тыс. до н. э. посещался египтянами. Фелл полагал, что жители Полинезии произошли от ливийцев, несших службу в Древнем Египте, они доплывали к египетским золотым рудникам на Суматре и даже дальше – в Австралию. Он также считал, что многие из меланезийцев – потомки древних негритянских рабов, используемых на золотых рудниках. Фелл даже называет диалект индейцев зуни с юго-запада США чрезвычайно схожим с языком маори и утверждает, что оба народа должны быть связаны между собой.

Судя по материалам Б. Фелла, финикийские и ливийские наскальные надписи были обнаружены в Индонезии. Письмо от 21 января 1875 года в журнал «Нейчур» рассказывало о финикийских надписях на Суматре. Автор письма Дж. П. Харрисон уточняет местопо-

жение надписей: «Район включает Реджанг, Лембу и Пассамах, между вторым и пятым градусами южной широты».

Еще одна связь между Австралией и Египтом – любопытная практика мумификации мертвых, которую используют на островах Торрессова пролива между Новой Гвинеей и Северным Квинслендом. Музей Макли в Сиднейском университете имеет в коллекции мумию, подобную тем, что изготовляли в Египте между 1090 и 945 гг. до н. э.

В австралийских газетах 1990-х годов сообщалось, что команда морских археологов от музея Квинсленда обнаружила обширные пещерные рисунки на многих островах Торрессова пролива. Некоторые из рисунков на изолированном острове Буби изображали макасарское прау – уникальное судно с контрольным двойным рулем и треугольными парусами, использовавшееся рыбаками острова Сулавеси. Сегодня археологи объявили Торрессовы острова «перекрестком цивилизаций» и «новой археологической загадкой».

Так же, как было указано Кеннетом Гордоном Макинтайром в его книге «Секретное открытие Австралии» (1977), название острова Мир из Торрессова пролива подобно египетскому слову «пирамида» (mir) и даже самому названию Египта – *Misr*.

Любопытно, что на острове Понпеи (прежде называемом Понапе) находится столица Объединенных штатов Микронезии. Понпеи разделен на пять районов, а губернатор района зовется *Nap marche* на языке Понпеи. Точно так же в Древнем Египте район назывался ном (nome), а глава района – *nome-marche* (номарх). Простое совпадение?

В середине 90-х годов авторы обменялись с Б. Феллом несколькими письмами. В своих ответах на наши вопросы он максимально подробно излагал суть своих гипотез, некоторые из которых он так и не успел довести до сведения широкой общественности. В частности, речь шла и о ливийском, и о древнеегипетском вкладе в американскую эпиграфику.

Ливийцы из племени зуни

«Переселение на американский континент ливийцев до сих пор остается одной из самых таинственных страниц истории доколумбовой колонизации Америки», – пишет ученый. «Обнаруженные остатки материальной культуры древних людей не давали ответов на вопросы, когда в Америке появились ливийцы и где они высадились, прибыв туда. У нас имелись лишь несколько фрагментов их надписей, найденных в разных регионах, – на севере Квебека, в Калифорнии, в долинах рек Арканзас и Симаррон, и ничего больше. Так было до 1879 года, когда был создан и начал свою работу Комитет по этнологии США. Он занимался исследованием жизни зуни в Нью-Мексико. К тому времени загадки племен шиви и хопи уже привлекли внимание профессора Дж. Уолтера Фьюкеса (так же как и я, занимавшегося биологией моря в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета) и Джеймса Стивенсона.

Их работы послужили материалом для лингвистических и лексикографических исследований языка зуни. Составленный словарь этого языка показывает, что язык зуни относится к языкам американских индейцев.

Мне кажется, что до сих пор не было предпринято ни одной попытки показать, что этот язык имеет сходство с языками каких-либо других языковых групп.

Когда я изучал в археологическом музее Пибоди Гарвардского университета материалы, привезенные из города Пуэбло, мое внимание привлек белый кожаный солнечный диск, который, согласно прилагавшейся надписи, был найден в 1891 году в Нью-Мексико после окончания там религиозного праздника шиви (зуни). На нем – ливийские буквы Т-М, египетский вариант имени Атум, бога солнца у первобытных народов Северной Африки. Ливийский язык относится к египетской группе семито-хамитских языков. Большое влияние на него оказали племена, переселившиеся в Ливию. Письменность схожа с финикий-

ским (пуническим) языком, где использовались лишь согласные буквы алфавита. В записках Комитета по этнологии за 1891 год есть рассказ о том, как доктор Матильда Стивенсон присутствовала на зунийских празднествах, посвященных дням зимнего и летнего солнцестояния, и стала обладательницей некоторых предметов культа. Ее отчет иллюстрирован фотографиями и рисунками, где на алтарях мы видим хорошо знакомые мотивы культа бога солнца, характерные для Средиземноморья, хотя автор их к таковым и не относит. В связи с этим я занялся изучением этимологии языка зун, используя словари Бернарда Лемана из библиотеки Виленер и других собраний. В результате я пришел к мысли о том, что корни языка зун – в диалектах народов Северной Африки. Он имеет большое сходство с коптским (Центральный Египет) и нубийским (долина Нила). В нем много заимствований и из языков племен, обитавших по соседству (из алгонкинских диалектов племен, обитавших на севере, и из языков мексиканских племен, обитавших на юге), но в основном словарный состав языка зун похож на словарный состав языков североафриканских племен.

Таким образом, классификация языка зун должна быть пересмотрена, его следует отнести к американской ветви североафриканских языков, к так называемым афро-азиатским языкам семито-хамитской группы. Эти языки распространены от марокканских берегов у Гибралтара до Сомали, там, где раньше имели хождение древние ливийский, египетский, эфиопский (амхарский) языки. В связи с тем, что в тех местах, которые я перечислил ранее, были обнаружены надписи на ливийском языке, и учитывая тот факт, что основная часть этих надписей была обнаружена на юге США, считаю возможным сделать вывод, что авторами этих надписей являются предки народа шиви, прибывшие из Ливии.

Иллюстрации показывают, что некоторые из жрецов зун до недавнего времени достаточно хорошо владели системой ливийского письма, чтобы нанести на тот или иной предмет культа «магические» символы, которые в действительности являются названиями этих предметов по-ливийски. Но главное доказательство переселения ливийцев на Американский континент – все же сегодняшний язык народа зун. Совпадает большое количество слов в языке племен Нью-Мексико и Северной Африки, сходна их фонетика.

Есть возможность проследить законы фонетических изменений, что подтверждает происхождение языка зун от ливийского языка. Это те же фонетические правила, на которые я опирался в 1973 году, доказывая, что ливийский язык родственен языкам полинезийской группы. Народы Полинезии, как и ливийцы, – потомки «народов моря», анатолийцев, заселивших Средиземноморье около 1400 г. до н. э. и после набегов на Египет (и, как сообщают египетские источники, после целого ряда поражений) поселившихся в конце концов в Ливии. Позднее ливийцы-моряки поступали на службу к фараонам в египетский флот, а затем ливийские вожди завладели Египтом, где к власти пришли ливийские династии. Ливийское влияние расширялось, охватив Индо-Тихоокеанский регион, где египтяне добывали золото, например, на Суматре.

В период владычества Птолемея (после покорения Египта Александром Великим) ливийские моряки, находившиеся на службе у греков, предприняли ряд далеких путешествий, и некоторые из них поселились на различных землях Тихоокеанского региона.

Все перечисленные события дали лингвистам возможность сделать вывод о том, что полинезийские поселения – это, скорее всего, поселения выходцев из Восточной Азии, поскольку ранние полинезийские надписи очень напоминают ливийские (и по алфавиту, и по языку).

Лингвисты, например профессор Линнус Браннер из Европы и доктор Риэл Лохор из Новой Зеландии, выступили с новыми данными о происхождении языков Малайзии и Полинезии. Они объясняют наличие в полинезийских языках греческих слов. Как пишет профессор Браннер, греческие колонисты в Ливии использовали диалекты греческого языка, в кото-

рых некоторые согласные аттических диалектов претерпели изменения, и греческие слова в Полинезии приобрели ливийскую форму.

Следовательно, если мои выводы о ливийских корнях полинезийских языков верны, я хочу выдвинуть новую версию о происхождении народа шиви. Я считаю шиви потомками ливийских путешественников, пересекших Атлантический океан приблизительно в 500 г. до н. э.

Поддержкой этой версии могут служить и символы, которыми украшали одеяние жреца индейцы племени хопи. Сейчас оно хранится в Гарварде. На нем чередующиеся символы, которые могут быть прочитаны как ливийские буквы W-t, повторяемые как декоративный мотив. Можно ли считать простым совпадением тот факт, что W-t – это древнеегипетское (а возможно, и ливийское) написание названия священного змея, которого греки называли «урей» и который изображался на короне фараонов как свидетельство их божественного происхождения?

Этот и подобные факты заставляют нас признать, – заключает свое письмо Б. Фелл, – что ливийская письменность и ливийский алфавит когда-то использовались в юго-западных районах Северной Америки».

Откуда табак, Рамзес?

В 70-е годы прошлого века в руки египтологов попала мумия одного из самых могущественных фараонов Рамзеса II, который правил Египтом в XIII в. до н. э. и которого похоронили в пещерном храме в Абу-Симбеле.

В 1976 году на мумии фараона, хранящейся в Каирском музее, ученые обнаружили странные бурые пятна. Анализ показал, что мумия поражена современными микроорганизмами, и Рамзеса направили «на лечение» во Францию. Его облучали радиоактивными изотопами и провели курс инъекций антибиотиками. А заодно, пользуясь случаем, решили изучить состав бальзама, которым были пропитаны льняные бинты, окутывавшие мумию.

Этимися работами занялся палеоботаник Мишель Леско. Используя мощные микроскопы, спектрографы и другие новейшие приборы, он исследовал пылевидные частицы растений на бинтах. Находка Леско весьма озадачила ученых. Льняная ткань содержала значительное количество табачной пыли! Откуда табак мог оказаться в Древнем Египте? Ведь в Европу его завезли только в XVI веке, а в Северную Африку он попал еще позднее.

Леско не поверили, и его исследования повторил профессор Пари с группой авторитетных ученых. Результаты анализов дали однозначный ответ – в составе бальзамирующих смол содержится алкалоид из табачных листьев. Видимо, древние жрецы были осведомлены об антисептических свойствах табака. Попытки египтологов расшифровать их записи окончились неудачей: слишком сложным оказался шифр, которым пользовались жрецы...

То, что табак мог попасть в Северную Африку через Атлантику, попытался доказать своими плаваниями Тур Хейердал на хрупком с виду суденышке, которое он срисовал со стен одного из храмов в дельте Нила. Это известно всем. А вот насчет второго пути – из Австралии – мало кто задумывался. А между тем растения, содержащие никотин, встречаются на островах Тихого океана неподалеку от пятого континента. В пользу этого говорит и то, что в составе бальзама обнаружен также порошок из черного перца и листьев эвкалипта, которые могли быть завезены из Юго-Восточной Азии.

И еще одно письмо от Барри Фелла, написанное им незадолго до кончины.

Вигвамы древних египтян

«Хочу познакомить вас с доказательствами недавно выдвинутой мной теории о том, что древние египтяне посещали Северную Америку и во время своего пребывания там передали свое знание сложнейшего иероглифического письма народам, населявшим нынешнюю Канаду и прилегающие к ее территории области Соединенных Штатов.

Я получил возможность заняться разработкой этого вопроса главным образом благодаря сотрудничеству с Джоном Уильямсом. Как-то обратился к изучению документов, хранящихся в богатейшей Виденеровской библиотеке Гарвардского колледжа. Он искал упоминания о тех раскопках, которые могли бы подсказать нам, в каких регионах поиски еще не велись, а также данные о музеях, где могли храниться материалы, необходимые для наших исследований. В процессе работы он обратился к книгам на языках индейских племен.

Однажды он принес мне копию любопытного документа, опубликованного в Нью-Йорке в 1866 году в книге, посвященной индейцам вабанаки, населяющим штат Мэн. Автор книги – священник Юджин Ветромил, посвятивший свою жизнь приобщению индейцев к христианству. Упомянутый документ, а это всего одна страница текста, назывался «молитва Господу, записанная микмакскими иероглифами». Я с первого взгляда понял, что, по крайней мере, половина этих иероглифов очень напоминает египетское иероглифическое письмо или его упрощенную форму – иератическое письмо. Но еще больше удивило и поразило меня то, что значение этих древнеегипетских иероглифов совпадало с их английским переводом, данным в книге.

Мне приходилось читать о том, что некоторые племена индейцев, обитавшие на северо-востоке Америки, пользовались иероглифическим письмом, изобретенным священниками-миссионерами, считавшими, что индейцам будет проще усвоить иероглифы. Но это в корне противоречило лежавшему передо мной документу, свидетельствовавшему о том, что микмакское письмо было изобретено кем-то, знакомым с древнеегипетским иероглифическим письмом.

Микмак – это племя алгонкинских индейцев, живущее в Акейнии, в восточных провинциях Канады. Это племя тесно связано с племенами, населяющими штат Мэн, например с племенем вабанаки, или так называемыми «людьми-с-востока». В обстоятельной книге Скулкрафта об американских индейцах автор пишет, что сообщил Конгрессу о том, что «чтение и письмо им (алгонкинским индейцам) совершенно не знакомо». Это утверждение, а также сообщение жившего в XVIII веке французского священника Пьера Мейларда о том, что он является автором микмакских иероглифов, казалось, свидетельствовали о том, что письменность алгонкинских индейцев была изобретена совсем недавно.

Изучал ли Мейлард древнеегипетские иероглифы с тем, чтобы создать микмакскую систему письма? Вряд ли, вернее, точно не изучал. Мейлард умер в 1762 году, за 61 год до того, как Шампольон опубликовал свое первое сообщение о расшифровке древнеегипетских иероглифов.

Таким образом, совпадение между отдельными иероглифами, предложенными Мейлардом, и древнеегипетскими иероглифами могло быть лишь случайным. Поэтому я попросил Джона найти еще какие-нибудь работы Мейларда, если таковые имелись в Виденерской библиотеке или где-то еще. Вскоре он обнаружил экземпляр книги Мейларда объемом в 450 страниц, написанной по-микмакски.

Работа отца Мейларда содержала изложение взглядов католического духовенства, катехизис, историю религии и переводы псалмов и гимнов. Она была издана в Вене в 1863–1866 годах. Основой книги послужили рукописи отца Мейларда, завещанные им перед смертью, в 1762 году, индейцам племени микмак. В этой книге – сотни иероглифов, большая

часть которых заимствована почти без изменений из древнеегипетского иероглифического письма или его иератического варианта.

Таким образом, становится совершенно очевидно, что письменность племени микмак (а также частично и его язык) заимствованы у древних египтян. Но каким образом это могло произойти? Конечно же, абсурдно предполагать, что Мейлард самостоятельно расшифровал древнеегипетские иероглифы, кроме того, нет никаких данных о его путешествиях в Египте или о каких-либо иных его занятиях, кроме миссионерской деятельности среди индейских племен, которые бережно хранили его труды в течение 120 лет. Здесь мы сталкиваемся с новой загадкой. По первому запросу библиотекари Гарварда подобрали нам все имеющиеся в наличии книги об индейских племенах микмак и вабанаки. Некоторые из них помогли мне понять, что же произошло на самом деле.

Оказывается, Мейлард вовсе не изобретал микмакской письменности, а вместо этого заимствовал и ввел в обращение систему письменности, уже существовавшую у индейцев в то время, когда кардинал Ришелье отправил французских миссионеров работать с канадскими индейцами. Из разных источников мы узнаем, что, когда учителя-христиане пришли в племя микмак и начали учить индейцев, некоторые из священников обратили внимание на то, что дети чертят на бересте какие-то значки во время чтения молитв. Когда детей спросили, что они делают, те объяснили, что записывают некоторые из высказываний учителя. Дети рассказали, что пятиконечная звезда означает небеса, круг – землю и так далее.

Отец Юджин Ветромил рассказывает то же самое об индейцах племени вабанаки, среди которых он работал в штате Мэн в середине XIX века. Его рассказ, проливающий свет на многие факты, может быть с большой степенью вероятности отнесен и к индейцам племени микмак. Мы приводим отрывок из его статьи, и то, что пишет отец Ветромил, подтверждается также фактами, изложенными в работах об индейцах племени микмак.

«Когда французы впервые прибыли в Акейдию, индейцы уже умели писать. Их письменна встречали на коре деревьев, на камнях. Ими были украшены надгробные плиты и стрелы воинов, острые камни и другие инструменты. Они посылали в соседние племена куски древесной коры, испещренные этими значками, и получали ответы, написанные тем же способом, точно так же, как мы делаем заметки и пишем письма. Во время войны вожди племени рассылали такие же циркуляры своим воинам. В них вожди спрашивали советов и отдавали приказы».

Этот отрывок свидетельствует о том, что мы долгое время ошибались, считая микмакскую систему письма современным изобретением и, следовательно, чем-то, что не заслуживает серьезного исследования. Отец Ветромил продолжает свой рассказ, повествуя о том, что у него имеются три манускрипта, написанных микмакским иероглифическим письмом. Конечно, все написанное относится к 1866 году, и мне не удалось найти следов этих манускриптов, авторами двух из которых, как пишет отец Ветромил, были индейцы.

Миссионер продолжает: «В вигвамах у некоторых индейцев (когда прибыли первые французские миссионеры) было некоторое подобие библиотек, состоявших из камней и кусочков древесной коры, а знахари владели серьезными медицинскими манускриптами, которые они читали больным... Индейцы утверждают, что своими значками они могут передать любую мысль, совсем как мы при помощи нашего алфавита. Когда в эту страну прибыли французские миссионеры, они научились пользоваться этими значками для того, чтобы иметь возможность отдавать индейцам приказы и учить их. Отец Мейлард и Ле Лутр обратили их в христианскую веру, внося необходимые дополнения в иероглифику для проповеди религиозных догматов».

Отец Ветромил пишет, что подобное письмо использовалось северными алгонкинскими народностями (микмаками, вабанаками и эчемисами). Он пишет, что он встречал стариков индейцев в Олдтауне (Мэн), которые помнят время, когда письмо записывалось и вер-

тикально, и горизонтально (как сейчас), но в другом направлении. Он добавляет: «Надеюсь, что этот вид письма не утрачен, будучи погребенным во прахе веков, но память о нем будет передана будущим векам. Она станет свидетельством культуры и древности благородного и изысканного, но злосчастного племени микмаков».

Благодаря жизнестойкости индейцев Акейдии, в частности микмаков, и действиям французских миссионеров желание отца Ветромила было исполнено. Чрезвычайно интересная задача – исследовать пути проникновения египетского письма в северные алгонкинские народности. Невольно возникает вопрос: являются ли микмаки и народности алгонкинов потомками египтян-первопроходцев? Ответ однозначен: нет. Хотя в алгонкинских языках и встречаются некоторые египетские лексические элементы, бесспорно, систему письма алгонкины просто заимствовали у египтян; для различных алгонкинских племен, особенно для северной их группы, характерно обилие слов, связанных с письмом и письменными принадлежностями. Эти слова совершенно не похожи на французские или английские слова аналогичного лексического ряда, но иногда почти совпадают с египетской лексикой. Большое количество слов этой категории присутствует и в старейшем словаре языка вабанаки. Он был подготовлен в штате Мэн отцом Себастьяном Раслесом (чьа миссионерская деятельность началась в 1690 году). Рукопись словаря хранится в библиотеке Гарвардского университета. Составлять его он начал, судя по рукописным материалам, в 1691 году. Работать над ним продолжил вплоть до своей гибели от рук британских солдат в 1724 году.

Однажды в 1874 году преподобный М. Гасс в сопровождении двух студентов работал на маленьком кургане около Давенпорта (Айова). Они нашли обычное, неглубокое индейское захоронение недавнего времени, но когда увеличили глубину раскопок, то вскрыли захоронение более древнее. Было погребено два скелета, принадлежавших взрослым людям, и скелет ребенка. Поблизости обнаружили гравированную табличку, ныне известную как Давенпортская календарная стела. Она была обильно украшена странными знаками и поступила в распоряжение Давенпортской академии наук (ныне музей Путнэм).

Первоначально она вызывала к себе интерес, но позже была забыта. Произошло это «благодаря» ученым из Гарварда и Смитсоновского института, объявившим ее подделкой. Они считали ее нечитаемой, так как она включала подозрительно знакомые по финикийским и древнееврейским источникам знаки и буквы. И по этим причинам табличка была признана никчемной и бессмысленной подделкой! К счастью, Давенпортская академия, несмотря на все протесты, сохранила эту табличку.

В центре стелы изображена сцена, окруженная надписями на трех языках – египетском, иберо-пуническом и ливийском. Иберийские и ливийские тексты гласят, что надпись хранит секреты календаря. Завершает надпись египетское иератическое письмо. Его расшифровка приводится рядом с толкованием кельто-ливийских надписей. Египетский текст гласит: «К столбу прикреплено зеркало так, чтобы, когда солнце встает в новогодний день, оно бросало бы лучи на камень, имя которому Наблюдатель. Новый год бывает тогда, когда солнце встречается с зодиакальным созвездием Овна, когда день растет, а ночь убывает. В это время празднуют Новый год и совершают жертвоприношения».

На табличке изображено празднование Нового года по египетским обычаям утром дня весеннего равноденствия (соотносимым с современной датой 21 марта; в древности – позже). Этот праздник состоял в водружении церемониального новогоднего столба, составленного из связок тростника, называемого ими «джед».

Церемония эта по смыслу представляла собой возведение позвоночника бога Озириса. Слева можно видеть зеркало в резной раме, а на ней иероглифы, читаемые как «зеркало египтян». На зеркале – надпись, гласящая: «Отражающий металл». Справа – восходящее солнце, с иероглифом «Ра» (Солнечный бог, или Солнце). Над изображением утреннего неба находятся звезды. Как свидетельствуют иллюстрации, айовская стела подтверждает то, что

нам известно из захоронений в Фивах о церемонии колонны джеда в Новый год. Египетские хроники упоминают об этой церемонии, проходившей в месяц кагах, соответствующий нашему марту. Это же подтверждает и айовская стела. Египетский текст Давенпортской стелы сообщает, что это работа Внту (Звездочета), жреца Озириса из Ливии.

Как такой ценный документ мог оказаться на могильном кургане в Айове? Подлинный ли он? Да, это так, хотя ливийские и иберийские тексты не были расшифрованы ко времени находки Гасса. Значения текстов на ливийском и иберийском языках совпадают и с иероглифическим текстом. Это наводит на определенные размышления. Эта стела, безусловно, американского происхождения. Возможно, она была создана ливийским или иберийским астрономом, скопировавшим подобную, но более древнюю стелу из Египта или, что более вероятно, из Ливии, находившуюся на борту корабля. Жрец Озириса мог считать стелу календарем в далеких землях. Дата ее появления на свет – не позднее VIII в. до н. э., так как мы не знаем ливийских и иберийских надписей ранее этой даты. Египетский текст мог быть только копией. Судя по его стилистическим особенностям, этот текст можно было бы отнести к XVI в. до н. э. Больше я пока ничего о нем не могу сказать.

Возможно, колонисты прибыли в Америку с ливийским шкипером и египетскими моряками на борту. Их появление относится к XXII ливийской династии, времени, когда фараоны придавали большое значение открытиям новых морских путей. Возможно, с моряками путешествовал и египетский жрец-астроном. Он или его преемники создали Давенпортскую календарную стелу. Возможно, в этот же отрезок времени другие жрецы-астрономы из Египта сопровождали другие экспедиции, такие, как путешествие на Лонг-Айленд (Нью-Йорк) и экспедиция ливийцев в Квебек. Они оставили запись, найденную несколько лет назад профессором Томасом Ли из Университета Лавала.

Эти путешественники заселили Новую Англию и научили индейцев народностей микмак и вабанаки египетским иероглифам. Иероглифы – это идеограммы и могут быть прочтены в силу этой своей специфики на любом языке. И поэтому ученым ливийцам или египтянам было несложно обучить иероглифическому письму и чтению как своих соотечественников, так и коренных жителей Америки – индейцев. С течением времени сформировался современный алгонкинский язык, и иероглифы стали читаться как алгонкинские слова.

Можно сказать здесь и о резных камнях с изображениями африканских животных, найденных в Айове много лет назад, как о работе скульпторов, прибывших в Америку из Северной Африки (хотя у нас этому посвящена отдельная глава. – Авт.). Резные слоны в полях Давенпорта перестают быть загадкой. Они – творения тех же людей, которые создали упомянутую нами календарную стелу.

Портретные изображения на терракоте и камнях на североафриканских, нубийских, иберийских украшениях и одежде до определенной степени раскрывают инкогнито своих хозяев и авторов. Находки были обнаружены в штатах Теннесси и Кентукки, на территориях, прилегающих к реке Миссисипи. Однако существует еще множество таких вещей, которые обычно ускользают от внимания исследователя, но мы сумеем определить их природу и происхождение. Что до погребальных курганов и урн, раскопанных мною, я не нахожу в своих действиях неуважения к усопшим. Раскапывая захоронения, мы проливаем свет на наше происхождение, узнаем о своих далеких предках, принесших искусство и науку в Новый Свет.

Лабиринты у индейцев

О том, кто был носителями света знаний, ученые будут еще долго спорить. Мы же расскажем еще об одной неожиданной находке. В октябре 2006 г. американский исследователь

Даниэль Байерс, используя профессиональный металлодетектор White's DFX, осматривал школьный стадион в пригороде Кливленда (штат Огайо). Дело в том, что стадионы привлекают поисковиков по той причине, что зрители часто роняют и теряют здесь монеты или ювелирные украшения. Его поиск увенчался успехом, и, следуя сигналу прибора, он начал копать грунт и на глубине примерно 40 см обнаружил необычный предмет. Это оказалась трапециевидная металлическая пластина размером $5,6 \times 3,7$ см с маленьким отверстием в верхней кромке. Пластинка имела рельефные изображения с обеих сторон. На лицевой части находилось изображение юноши в набедренной повязке и сложном головном уборе, а на обороте был помещен двулезвийный топор.

Минойская подвеска, Кливленд (штат Огайо)

Изображение юноши являлось... почти копией фрески Кносского дворца на Крите. Это хорошо известное изображение так называемого «Принца с лилиями», которое принято

датировать примерно 1550 г. до н. э. Помимо этого на правой половине пластины были помещены два символа, относящихся к критскому линейному письму А. Эта система письма использовалась в основном в канцелярских целях и просуществовала на Крите недолго, примерно с 1700 по 1550 гг. до н. э. На смену ей пришла система линейного письма Б. Двулезвийный топор является изображением церемониального микенского топора лабриса.

«Принц с лилиями», фреска из Кносского дворца на Крите

По словам Байерса, грунт, в котором была сделана находка, был привозным, он был завезен при строительстве школы примерно в 1930-е годы для засыпки стадиона. По характеру грунта Байерс сделал предположение, что он происходит из речных прибрежных слоев.

Байерс обратился к нескольким техническим специалистам, которые определили, что пластина была сделана из бронзы и имела достаточно толстый слой патины. Попытки Байерса получить консультации у профессиональных археологов не увенчались успехом. Едва узнав, что минойский артефакт был обнаружен на американской земле, все специалисты отказались давать какое-либо заключение столь неординарной находке.

Между тем эта находка не является единственной, относящейся к минойской культуре. В 1975 г. на берегу реки Пенобскот (штат Мэн) была обнаружена пластина шириной 8,5 см, выполненная из серебряно-никелевого сплава. На ней было изображена женщина в широкой колоколовидной юбке, высокой заостренной шапке и с большой нагрудной пекторалью. В левой руке женщина держала змею. Этот иконографический образ хорошо известен в минойской культуре. Так изображали богиню луны.

Американский археолог Гуннар Томпсон в своей книге «Настоящая история открытия Америки» (1994) указывал, что надписи, сделанные минойским письмом, были обнаружены в штате Джорджия и на берегах Амазонки в Бразилии. В конце XIX века американский антиквар Г. Бэнкрофт сообщал, что индейцы пима в Аризоне показывали испанским путешественникам свой символ мудрости, роль которого выполняло изображение лабиринта, идентичное тому, которое чуть позже было обнаружено на стене дворца в Кноссе.

Минойский лабиринт, рельеф из Кносского дворца на Крите

Индейцы пима являются потомками носителей культуры хохокам, которая существовала на территории юго-запада США в период с I по XV вв. От этой культуры до сегодняшнего дня сохранились остатки разветвленной ирригационной системы и интересные памятники культуры – скальные города. В одном из самых крупных таких поселений, названном испанцами Касса-Гранде, также известны изображения минойского лабиринта, выполненные на стенах жилищ и культовых построек.

Американский исследователь Г.С. Колтон утверждал, что изображения лабиринта у индейцев пима неотличимы от таких же рисунков на ряде монет классической Греции (VIII–VI вв. до н. э.). Расцвет минойской культуры относят к периоду XXVIII–XV вв. до н. э. От той же культуры хохокам эту цивилизацию отделяет почти два тысячелетия. Поэтому сложно утверждать, что описанные находки относятся именно ко II тыс. до н. э. или даже ранее. Они могли попасть на американскую землю в более позднее время вместе с греческими путешественниками.

Конечно, для констатации именно минойского присутствия в Америке требуется более обширный массив данных. Однако, учитывая то, что древние минойцы были прекрасными мореходами, а также факт находок именно минойских надписей в Северной и Южной Аме-

рике, гипотеза о посещениях Нового Света выходцами с Крита выглядит достаточно оправданной.

В разные годы ученые все чаще использовали интересный прием, чтобы доказать осуществимость того или иного предприятия древних: они моделировали это предприятие – воспроизводили его, опираясь на имеющиеся у них данные. Это не однажды делали Тур Хейердал и Тим Северин. Вторую жизнь плаванию финикийцев вокруг Африки в свое время дали двое французов – подводник Анри Жиль-Артаньян и инженер-кораблестроитель Рене де Торлак. Они построили 24-метровое судно – точную копию финикийского. В путешествие они отправились летом 1977 года. Корабль их назывался «Пунт». Отважным исследователям помогли французская Морская академия, Международная комиссия по морской истории, два египтолога, морской инженер, группа преподавателей Сорбонны. «Корабли той эпохи, – писал Жиль-Артаньян, – обладали всеми необходимыми качествами для плавания в открытом море – формой корпуса, парусами, маневренностью».

Энтузиазм, без которого подобные предприятия немыслимы, не перекрыл у Жиль-Артаньяна разумного подхода к делу. Плавание это удалось! Правда, поскольку молодые исследователи не были так «раскручены», как упомянутые маститые историки, об этом предприятии никто почти ничего не узнал... и еще жаль, что до сих пор никто не попытался повторить многочисленные вояжи выходцев из Средиземноморья в Новый Свет. Несомненно такое предприятие прошло бы с блеском и доказало бы скептикам, что доколумбово открытие Америки не миф, а реальность.

Глава 2

Финикийцы за Столпами Мелькарта

Тартесс – шаг в Атлантику

В 4-м тыс. до н. э. на восточных берегах Средиземного моря возникли поселения земледельцев и рыболовов. Жизнь прибрежных деревень была неотделима от моря. Оно давало им пищу и даже краску – улиток-багрянок. С древних времен финикийцы зарекомендовали себя прекрасными мореходами. Они многое переняли у вавилонян и ассирийцев, например формы некоторых судов и далеко выступающий вперед штевень.

За несколько веков до нашей эры наладились тесные связи между карфагенянами и тартессцами, то есть жителями загадочной области или города в нижнем течении Гвадалквивира на Иберийском полуострове. Представление о богатстве Тартесса было связано прежде всего с его серебряными рудниками и месторождениями золота. До открытия Тартесса финикийцами и греками местные иберы торговали с Северо-Западной Европой, Северной Африкой, Британией и даже Скандинавией. В поисках Тартесса археологам пришлось отталкиваться от древнегреческих источников, многие из которых указывали, что Тартесс находится в устье Гвадалквивира.

В начале XX в. правоту древних греков взялся проверить немецкий археолог Адольф Шультен, и для этого ему понадобилась вся его долгая жизнь. Шультен установил, что Тартесс был главным городом довольно крупного государства, в состав которого входили земли как к востоку от Гвадалквивира, так и к западу вплоть до пределов современной Португалии. На территории бывшей державы тартессцев А. Шультен и его помощники открыли следы великолепной цивилизации: остатки искусных гидротехнических сооружений, руины монументальной архитектуры, медные, свинцовые рудники и мастерские, где обрабатывали руды для получения драгоценных металлов.

В 1958 году в местечке Эль-Карамболо около Севильи были обнаружены богатейшие захоронения, полные золотых и серебряных изделий редкой красоты, бесспорно принадлежавших тартессцам.

Искусство тартессийских металлургов притягивало внимание торговцев всего Средиземноморья. Богатство страны влияло и на уровень жизни и культуры ее граждан. Тартесс, согласно греческим свидетельствам, был настолько утонченным городом, что его законы были написаны в стихах. Шультену удалось найти несколько надписей тартессцев, выгравированных на камне и металле, но прочитать их до сих пор никому не удалось. Однако сам легендарный Тартесс Шультен так и не нашел.

Карфагеняне получали от тартессцев необходимые им металлы, которые затем экспортировали на Восток. Тартесс же с помощью Карфагена открывал для себя неисчерпаемый рынок Восточного Средиземноморья, а возможно, и более отдаленных районов вплоть до Индии, приносивший высшим слоям его общества сверхдоходы, что видно из богатейших тартессийских кладов. Взаимная финансовая и торговая заинтересованность привела к длительному обоюдовыгодному сосуществованию Тартесской и Карфагенской держав.

Так что за город-государство был Тартесс? Уж не западная ли колония Атлантиды, уцелевшая после войн или потопа, как предполагал писатель-фантаст В.И. Щербаков? Так или иначе, поселение у нынешнего города Кастийо-де-Донья-Бланка наглядно показывает взаимоотношения тартессцев и карфагенян: то был город тартессцев со значительным кварталом карфагенян. Такие карфагенские анклавы существовали и в других местах Тартессиды. Воз-

можно, по этому же принципу строились колонии финикийцев на северо-восточном берегу Африки, в частности в Ликсе на территории Марокко. Именно в этих поселениях копилась крупицы информации об океане и землях по ту сторону Атлантики.

Но наличие такого сильного города-государства, как Тартесс, значительно ограничивало финикийскую экспансию на запад. А высшая знать Карфагена постоянно находилась в поиске новых территорий, где можно было бы чувствовать себя в безопасности от беспокойных и агрессивных соседей – греков и фокейцев.

В середине VII века Карфаген основал колонию на острове Эбесс (ныне Ивиса) из числа Балеарских островов. Это был его первый шаг на пути превращения в мировую державу и, скажем прямо, – к походу в неведомое через Атлантику. Так как ранее Эбесс, как и другие Балеарские острова, находился под властью Тартесса, этот шаг карфагенян был началом активной наступательной политики, направленной против этого государства.

К этому времени общая политическая ситуация в Средиземноморье сильно изменилась. Еще в конце VIII века финикийские города на восточном берегу Средиземного моря были захвачены ассирийцами, поэтому остальные финикийские колонии приобрели независимость. В VII же веке началась греческая экспансия. На этом фоне именно Карфаген становится одним из мощнейших государств региона, подчиняя себе остальные финикийские колонии в Испании и Северной Африке.

Именно период VI–III вв. до н. э. (до начала Пунических войн) является временем наибольшего расцвета Карфагенской державы. Представляется, что именно в это период карфагеняне могли снарядить и отправить в Атлантику несколько разведывательных экспедиций. На их возвращение вряд ли рассчитывали трезвомыслящие представители карфагенской властной верхушки, но в случае успеха наметились бы новые сферы влияния и поистине бесконечные рынки сбыта.

Повторяем, именно это бурное время – VII–VI века до н. э. – было, по-видимому, тем периодом, когда карфагеняне предпринимали исключительные по своим масштабам попытки проникнуть за Гибралтар – Столпы Мелькарта. Но если ранее восточные финикийяне, плывя вдоль берегов Африки, не общались с ее населением и, видимо, не очень к этому стремились, цели их западных собратьев были иными. Им теперь предстояли и более далекие маршруты...

Клад на острове Корву

Корву является самым маленьким островом в Азорском архипелаге и относится к его западной группе. Сам архипелаг лежит в 1500 км к западу от Иберийского полуострова. «В ноябре 1749 года после нескольких дней шторма была размыта морем часть фундамента полуразрушенного каменного строения, стоявшего на берегу острова Корву. При осмотре развалин найден был глиняный сосуд, в котором оказалось множество монет. Вместе с сосудом их принесли в монастырь, а потом раздали собравшимся любопытным жителям острова. Часть монет отправили в Лиссабон, они потом попали к патеру Флоресу». Так рассказывал об удивительной находке шведский ученый XVIII века Юхан Подолин в статье, напечатанной в издании «Гетеборгский научный и литературный коллекционер» и снабженной таким подзаголовком: «Некоторые замечания о мореплавании древних, основанные на исследовании карфагенских и киренских монет, найденных в 1749 году на одном из Азорских островов».

«Каково общее количество монет, обнаруженных в сосуде, а также сколько их было послано в Лиссабон, неизвестно, – продолжает Подолин, – в Мадрид попало девять штук: две карфагенские золотые монеты, пять карфагенских медных монет и две киренские монеты того же металла! Патер Флорес подарил мне эти монеты в 1761 году и рассказал, что

вся находка состояла из монет такого же типа. То, что они частично из Карфагена, частично из Киренаики, – несомненно. Их нельзя назвать особо редкими за исключением золотых. Удивительно, однако, то, в каком месте они были найдены!»

Да, клад североафриканских монет обнаружили на одном из Азорских островов, расположенном на пути между Старым и Новым Светом. Сам по себе факт примечателен. И неудивительно, что на протяжении едва ли не двух сотен лет его достоверность оспаривалась. Бельгиец Мес в интересной книге об истории Азорских островов считал находку явным вымыслом «ввиду отсутствия каких бы то ни было поддающихся проверке фактов». Но временное отсутствие достаточных доказательств еще не дает права отрицать исторический факт, и крупнейший географ своего времени Александр фон Гумбольдт несколько не сомневался в подлинности факта, о котором сообщил Подолин, снабдивший, кстати, статью изображениями найденных монет (надо думать, они и сейчас хранятся в какой-нибудь шведской нумизматической коллекции). Мес намекает на то, что Флореса ввели в заблуждение. Но с какой целью? Для чего нужен был такого рода подлог? Для славы? Сомнительно. Энрике Флорес был выдающимся испанским нумизматом, авторитет его велик и по сей день – его нельзя обвинить в неопытности и недобросовестности.

Нашлись и такие, кто просто-напросто утверждал, что монеты украдены в Лиссабоне у одного из коллекционеров, а историю с кладом на Корву придумали для сокрытия преступления. Подобный метод, как справедливо отмечает Р. Хенниг, вообще может положить конец любым исследованиям в области древней истории, поскольку не исключена возможность обмана при любых археологических раскопках. Отмечает эту версию и самое простое рассуждение: зачем понадобилось красть именно такие мелкие монеты – ведь из девяти штук только две были золотыми! Никакой «приличный» вор никогда не стал бы рисковать ради подобной мелочи.

Наконец, подлинность находки может быть доказана еще и тем, что в то время, то есть в середине XVIII века, ни один мошенник не смог бы правильно подобрать столь прекрасную серию карфагенских монет, относящихся к весьма ограниченному временному периоду – 330–320 гг. до н. э.

Возникает основной вопрос: кто доставил на Корву древние монеты? Может, средневековые арабские или норманнские корабли? Но трудно предположить наличие жгучего интереса к древним монетам такого низкого достоинства у моряков Средних веков, который заставил бы их взять с собой в дальнейшее плавание лишний груз старых монет, не имевших тогда никакой ценности.

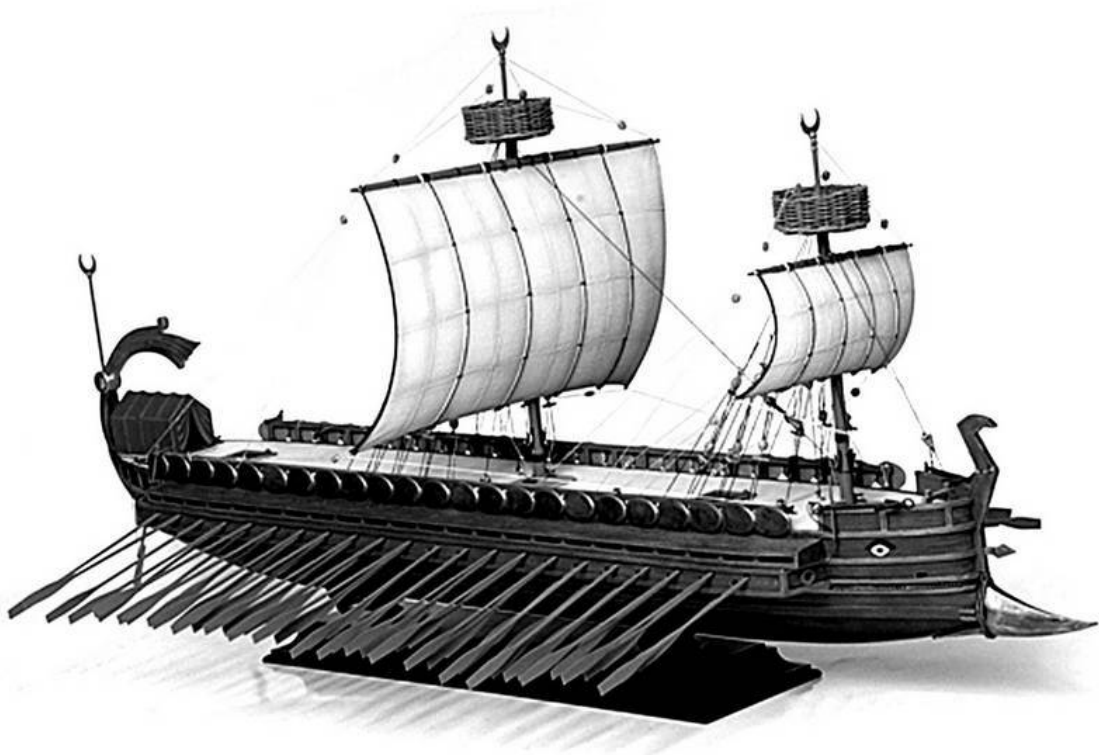
Напомним, Карфаген посылал корабли через Гибралтар в Атлантику вдоль африканских берегов, и один из таких кораблей мог быть отнесен восточным ветром на Корву. Так считал еще Ю. Подолин. Современные ученые с этим предположением согласились. Они исключают гипотезу о том, что сосуд с монетами попал на остров с остатками полуразрушенного и покинутого командой судна. Морское течение проходит от Азорских островов прямо к району Гибралтара, поэтому дрейф против течения исключается. Несомненно, остров посетил корабль с командой.

Итак, примерно в 320 г. до н. э. карфагенский корабль прибыл на Азорские острова, и африканские мореплаватели оказались на пути между Старым и Новым Светом...

Если верить древним авторам

В сборнике всевозможных древних историй «Вариа история», вышедшем в 1701 году и вобравшем множество свидетельств различных авторов античного мира, можно обнаружить такие сведения. В 371 г. до н. э. карфагеняне вышли из Кадиса и, взяв курс на заходящее солнце, пошли по волнам океана. После долгого плавания они обнаружили огромный

остров. Там было множество растительной и животной пищи, текли большие реки, земля манила безлюдностью. Многие карфагеняне осели в этих местах, другие же вернулись на родину и доложили сенату о плавании. Сенат решил сокрыть в тайне это предприятие, дабы не привлекать внимание врагов к этим землям. Вернувшихся путешественников, вытянув из них все сведения, убили. Этот факт, переданный, как считают ученые, Аристотелем, лишний раз свидетельствует о скрытности и изобретательности финикийцев, которые использовали подчас дьявольские методы для того, чтобы утаить достижения соотечественников. Может быть, поэтому мы так мало знаем об их открытиях?

Карфагенский боевой корабль. Современная реконструкция

Одни специалисты полагают, что «огромным островом» было атлантическое побережье Северной Америки, другие называют Бразилию. Вот что пишет древний автор Диодор Сицилийский: «За Ливией на расстоянии многих дней плавания в океане лежит остров больших размеров. Земля там плодородна, гориста, и немало там равнин прекрасного вида. По ним текут судоходные реки. В древние времена этот остров оставался неоткрытым, так как был удален от остального обитаемого мира, и был обнаружен только в позднее время по такой причине: с древних времен финикийцы много странствовали в целях торговли, основали колонии в Ливии и в западной части Европы. Обследовав район, находящийся за Геркулесовыми Столбами, они были отнесены ветрами далеко в океан. После долгих скитаний их вынесло на берег острова, нами упомянутого...»

И далее Диодор сообщает очень важный факт: «Тирийцы, опытные мореходы, намеревались основать там колонию, однако карфагеняне опередили их в этом...». Страна, по Диодору, выглядела так: «Там имеются деревянные хижины, с любовью построенные, с садами, в которых есть фруктовые деревья всех сортов. Холмистая местность покрыта дремучими лесами. Жители много времени проводят на охоте. Есть у них и рыба, ибо берега их родины омывает океан».

Речь может идти о двух географических пунктах: острове Мадейра или одном из островов Карибского бассейна. Помимо этого карфагеняне, несомненно, достигли Канарских островов и, если уж добрались до них, стали ходить туда регулярно, ведь на островах растет особый лишайник орсель (*Rocella tinctoria*), он содержит качественный краситель, который использовали при изготовлении пурпурных тканей, монополию на изготовление которых и держали карфагеняне. Для их окрашивания годилась также пурпурно-красная смола драконового дерева (*Dracaena drago*) – «кровь дракона».

Впоследствии нумидийский царь Юба II, чья держава возникла на развалинах карфагенской империи, даже оборудовал на Канарских островах мастерскую по окрашиванию тканей в пурпур, и сами острова какое-то время назывались Пурпурными.

Откуда древние авторы, произведения которых можно исчислять десятками, черпали сведения для своих поэтических и исторических произведений? Из источников, не дошедших до нас, или брали сведения непосредственно у открывателей новых земель на Западе?

«Пещеры Патти» и другие

После знакомства с письменными источниками уместно задаться простым вопросом: а есть ли материальные подтверждения того, что финикийцы достигли берегов Америки?

Самые, пожалуй, впечатляющие следы одного из первых визитов финикийцев в Новый Свет рассеяны по окрестностям Нью-Гэмпшира, близ Северного Салема, в 65 километрах от Бостона. Это место известно местным жителям на протяжении двух сотен лет как «пещеры Патти». В 1936 году «пещеры» были приобретены преуспевающим джентльменом из Хартфорда, (штат Коннектикут) по имени Уильям Б. Гудвин. Пылающий любовью к археологии и тайнам истории, но наделенный, к сожалению, тяжелой рукой по отношению к артефактам, Гудвин обратил внимание ученых на это место, однако не раньше, чем сам продрался сквозь дюжины непонятных каменных сооружений. Гудвин вкапывался в свою землю столь яростно, что, по мнению опечаленных профессионалов-археологов, разрушил в ходе раскопок множество древних доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.